

Кровь и пепел

Автор:

Наталья Павлищева

Кровь и пепел

Наталья Павловна Павлищева

НастяДева войны #1

Испокон веков Русская Земля держится не на каменных заливках мифических атлантов, а на плечах русских женщин.

На что способна наша современница, заброшенная в кромешный ад 1237 года, в лютую зиму Батыева нашествия? Что выберет – сбежать обратно в «светлое будущее» или встать плечом к плечу с пращурами, дабы испить общую чашу? Взойдет ли на стену обреченной Рязани? Не дрогнет ли, умывшись кровью в беспощадной сече? Сможет исправить прошлое, предотвратить катастрофу, отменить монгольское Иго? Удержит ли на своих хрупких плечах Русскую Землю – или рухнет под непосильным грузом горя, крови и пепла?

Наталья Павлищева

Кровь и пепел

От автора

Для любителей покритиковать романы за несоблюдение «исторической правды»:

– во-первых, это фэнтези;

– во-вторых, кто ж ее знает, эту историческую правду?

– в-третьих, каждый заполняет белые пятна нашей истории сообразно своим представлениям и уровню познаний. У автора он вот такой...

По поводу терминологии: татарами ордынцев называли летописцы то ли по имени одного из племен, то ли потому что из Тартара – ада. На территории нынешнего Татарстана, наверное, куда больше потомков болгарских родов, хотя они тоже зовутся татарами. Волжская Булгария в тринадцатом веке была очень сильным государством, достаточно вспомнить, что именно болгары здорово побиили тумены Субедея и Джебе после того, как они сами в 1223 году побиили русских на Калке. С Булгарией Русь воевала и торговала, как и с остальными соседями.

Первым в новом Западном походе Батые досталось именно булгарам, теперь они были смяты, разметаны, но существовать-то не перестали...

Мы привычно зовем ордынцев то татарами, то монголами, хотя в страшном вале, двигавшемся на Европу, и тех и других было немного, скорее в Западный поход шла немыслимая смесь народов. Это было бы Великим переселением, если бы не было военной машиной, сильной, безжалостной, беспощадной, ломавшей на своем пути хребты одному народу за другим. Русский выдержал, только какой ценой...

Куда это я попала?

– Да пошел ты!

Нога нажала на педаль газа так, словно хотела вдавить ее в пол окончательно. Андрей едва успел отскочить в сторону из-под завизжавших колес. Вслед неслось:

– Еще пожалеешь!

Сам не пожалей, козел! Нет, вот кого он из себя возомнил, а?! Думает, если мы вместе в бизнесе и он спит в моей постели, то я все стерплю?!

Злость перехлестывала через край. В моем кабинете лапоть мою же секретаршу, вы такое видели?! И какого черта я не выгнала этого бабника раньше, терпела столько времени, ведь Марина давно намекала на его шашни, вернее, на то, что у меня рога!

При мысли о рогах я даже головой помотала, чтобы убедиться, что они не задевают ничего в машине. Справа шарахнулся в сторону какой-то дедок на допотопном «жигуленке», небось, купил еще во времена молодости, и резина до сих пор родная с завода, потому и тащится даже по Ленинскому словно на трехколесном велосипеде.

Слава богу, от офиса до МКАДа рукой подать, а то в пробке я закипела бы уже через пару минут.

Похоже, начала успокаиваться, это хорошо, потому что на таком взводе за руль лучше не садиться. В конце концов, что катастрофического случилось? Бойфренд наставил рога? А чего ты, голуба моя, ожидала, что этот красавчик будет верен тебе до пенсии, притом что на его «ниже пояса» откровенно заглядываются все проходящие мимо герлы, кстати, взаимно? Нет, на его верность до гроба никто не рассчитывал, зло берет, что этот мерзавец гадит на нашей же территории, обидно, что теперь от насмешливо-заинтересованных взглядов моих риелторш никуда не деться, хоть бизнес прикрывай.

Злость накатила снова. Заведи себе Андрей кого-то просто на стороне, я смогла бы расстаться с ним мирно, выкинула бы его вещички из своей квартиры, и все, но он наследил так, что без унижения узел не развязать. Обидно, что заумный «ботаник», которого я вытащила из небытия, этот несчастный историк, раньше не знавший в жизни ничегошеньки, кроме своей диссертации (кому нужны его изыскания по татаро-монгольскому игу на Руси?!), только с моей помощью заимевший даже машину, не говоря уж об остальном, меня же и предал! И на кого променял?! Позариться на Ирку, у которой две извилины, и те на уровне кресла – задницу обрисовывают!

То, что на него все мои девки вешаются, вполне понятно, у самой перышки затрепетали, когда впервые увидела, даже не сразу поняла, что красавчик с внешностью секс-символа делает в архиве среди пожилых теток и пыльных бумаг. Надо сказать, Стариков у меня освоился быстро, теперь он успешный риелтор со множеством богатых клиентов, хорошей машиной и массой поклонниц из моих дам-агентов. Что называется, привела на свою голову.

Заверещал телефон. Конечно, это наш сексуальный гигант. Не брать трубку? Но тогда он будет считать, что я переживаю. Нет, этот гад должен понять, что он для меня никто, пустое место! И всегда был таким. И все его измены тоже ничто. И я держу его только из жалости. И могу просто наплевать в любой момент. Зря я так орала на улице, у окон наверняка торчал весь офис, а тем, кого не было, перескажут с комментариями...

Так... успокоиться, глубоко вздохнуть, посмотреть на себя в зеркало (господи, когда это меня угораздило впилиться между двумя здоровенными фурами?!)... Ладно, фуры потом... Теперь можно брать трубку.

- Ну?

- Настя, нам нужно поговорить.

Спрашивать о чем, глупо, я не должна давать ему возможности меня чем-то зацепить. Он мне безразличен, нет, он мне даже противен, несмотря на красивое мужественное лицо! Мужественные лица - признак подлых предателей!

- Вернусь в понедельник, поговорим. Сейчас мне некогда.

Вот черт, зачем же я свернула вслед за фурой?! Это же сорок первый километр и Калужское шоссе, до Новорязанского еще пилить и пилить. Теперь придется тащиться, пока не выедем в чисто поле, слева сплошная, не развернешься...

Отбросить трубку не успела, между мной и грузовиком попытался пристроиться какой-то джипяра. Щас, так я тебя и пустила! Много вас таких. Козел, ну куда ты лезешь, куда?! Вот почему, чем машина круче, тем водитель наглей?

Джипу все же удалось втиснуться, вот ведь гад! Ого, это же Андрей! Что, красавчик, испугался? Конечно... трус несчастный! Предатель! Выставить меня посмешищем перед этими... этими... метелками!

- Настя, я не могу ждать до понедельника, ты все неправильно поняла...

- Я все правильно поняла!

Я действительно поняла все правильно - он испугался за свое место. Бизнес мой, и я могу завтра же вышвырнуть его отовсюду и испортить репутацию перед клиентами, хотя не сделаю этого, чтобы не вызвать еще больших насмешек. Но мальчику не хочется терять кормушку, и он будет лизать коврик у входа в квартиру и лить крокодиловы слезы, а я, как дура, растрогаюсь и снова его прощу.

От понимания этого стало невыносимо, и я вдруг резко развернулась через сплошную на встречку, чтобы ехать обратно в Москву. Опасно, конечно, вот так выскакивать, не видя ничего перед собой, но иначе просто невозможно. По газам!

Последнее, что услышала, был свой собственный крик и вопль Андрея из трубки:

- Настя!!!

Последнее, что увидела - грузовик, идущий по встречной, на которую я вырулила, и ужас на лице водителя, уже не успевавшего избежать столкновения... Дальше все поглотила кроваво-красная пелена, в которой звуки стали вязкими и медленными, а потом и вовсе слились в один сплошной гул...

Вроде выпалась, хотя вокруг темно... Чем это так пахнет? Ой, как бок болит... и голова тоже...

И вдруг в памяти высветилось сразу все: идиотская ссора с Андреем на виду у всего офиса, гонки по трассе, попытка развернуться на встречеке и грузовик, идущий на хорошей скорости в лоб.

Где это я, в больнице? А может, вообще на том свете?

Рука наткнулась на что-то странное. Что у них за матрасы такие, новая технология? Нечто вроде тюфяка с сеном... И укрыта чем-то непонятным... Интересно, на том свете бывают тюфяки с сеном? Нет, там не бывает больно, разве что в аду, но тогда был бы огонь, а здесь темно...

Постепенно сквозь головную боль стало пробиваться понимание, что не все так хорошо. Странными оказались не только больничные матрасы. Отчетливо пахло деревом и церковью, это запах ладана. Меня уже отпевают?! Но я же жива, определенно жива!

С перепугу я уселась, невзирая на боль в боку. Нет, слава богу, не в гробу и не в церкви, просто в деревенской комнате, в углу крохотная лампадка перед образом, свет только от нее, и кто-то похрапывает, голос, похоже, женский.

Фу... значит, не настолько угробилась, даже не в больнице. Тюфяк под боком приятно пах сеном, где-то далеко лаяла собака... Тихо, мирно, деревня, одним словом. А может, это как раз то, что мне сейчас нужно, чтобы успокоиться? Вяло протекла мысль: что с машиной, но думать об этой груде железа (иначе и быть не могло после лобового столкновения с грузовиком) не хотелось. Глаза закрылись сами по себе...

Над ухом раздается незнакомый голос:

– Вроде ровно дышит...

Ему отвечает другой:

– А то? Воинтиха свое дело знат...

Что это за говор? Я вроде за Кольцевую-то едва выехала.

С трудом разлепив глаза, обнаруживаю перед собой милое девичье личико, девчонка крепкая словно репка, кровь с молоком и через плечо на грудь толстенная коса. Вот это да, я таких кос живьем не видела!

- Привет... Где это я?

Девчонка звонким голосом с удовольствием сообщает:

- Дома.

- Где?!

- Дома, Насть, ты че, дом не узнаешь?

Так, все-таки с головой у меня не все в порядке, удар грузовика был слишком сильным, недаром при малейшем движении перед глазами начинают летать черные мушки... Я прикрываю глаза, и девчонка, видно решив, что мне худо, сообщает кому-то:

- Снова в беспамятство впала.

- Пусть поспит, Воинтиха сказывала, ей спать ноне надо. После оклемается...

Я с трудом переворачиваюсь к стене, решая про себя, что оклематься не мешало бы, потому что окружающее на мой дом не похоже ни в малейшей степени. Вдруг меня осеняет: девчонка имела в виду свой, а не мой! Но додумать не успеваю, в помещение кто-то входит, и мужской голос заставляет меня еще старательней прикидываться спящей. Вернее, не столько голос, сколько то, что он произносит:

- Я к Юрку кобылу перековать, и сразу поедем.

- Дяденька Федор, Настя глаза открывала, только не узнала никого. Ноне снова заснула.

- Эх, беда... Ничего, вы ее не троньте пока, Воинтиха сказывала, такое от удара может быть. Оклемается наша Настя, всех вспомнит...

Девчонка обрадованно соглашается:

– Вспомнит, бог даст, вспомнит. А кобылу, что Настю опрокинула, зарежут?

– Тю, глупая! С чего кобылу-то резать?! С кем не бывает, испугалась малость, взбрыкнула.

Девчонки ушли вместе с мужиком, обещавшим, что Настя все вспомнит, а я осталась соображать. Вдруг меня осенило: я сплю. Конечно, я просто сплю! Но хотелось бы уже проснуться. Рука сама потянулась за что-нибудь себя ущипнуть. И тут...

Хорошо что в комнате никого не было, потому что ужас подбросил меня в сидячее положение, невзирая на боль в боку и голове. Нога, за которую я попыталась ущипнуть, была не моей! Нет, она вполне адекватно отреагировала на щипок, но это была чужая нога! В следующий миг я вообще чуть не заорала, не моим оказалось и все остальное – руки, ноги, грудь... коса, куда толще той, которой я только что восхищалась у девчонки.

Повалившись обратно на постель, я силилась хоть что-нибудь понять. Я не сплю, это ясно, потому что слышу, вижу, чувствую боль в боку... Тогда что со мной?!

Как ни старалась отогнать одну-единственную мысль, объясняющую происходящее, та упорно возвращалась. Пришлось ее додумать, потому как ничего другого в голову не приходило: я в чужом теле. Реинкарнация? Ни себе фига, как говорит моя приятельница Лиля!

Теперь главное, понять, куда это меня вселили. Упитанную девицу с толстенной косой, пожалуй, ниже пояса, зовут, как и меня, Настей (уже легче). Дядька Федор явно имеет к ней какое-то отношение. Это все, что пока известно. Одно хорошо – эта Настя, похоже, тоже попала в аварию, только на лошади, и все считают, что у нее потеря памяти. Не сказать, чтобы мысль успокоила, но стало хоть чуть легче, главное, не перестараться, а то как бы не отправили на настоящее принудительное лечение в психушку из-за потери памяти.

Ну и как из этого тела выбираться в свое собственное (надеюсь, оно осталось целым?). Или мне «подарили» это взамен угробленного в машине? Мерси, конечно, но поприличней ничего не нашлось? В нем же из диет пару лет не вылезать придется.

Сообразив, наконец, оглянуться вокруг, я с ужасом поняла, что переместилась не только в пространстве, но и во времени, потому что никакого намека не только на телевизор или холодильник, но даже нормальную мебель или часы в комнате не было! Наоборот, словно в этнографическом музее истории древнего быта. С трудом проглотив ком, вставший в горле, я попыталась успокоиться и осознать произошедшее. Произошедшее осознаваться категорически не желало...

Вот всю жизнь терпеть не могла чтиво про «попаданцев», казалось, что там происходит одно и то же. А Верка обожала и глотала буквально пачками. Однажды, правда, пришлось и мне изучать методiku поведения современников в диких условиях древности. Это когда мы вознамерились прожить две недели в деревне в доме Веркиной тетки. Я, как дама уже со средствами, отвечала за материальную часть, а библиотекарша Верка за идеологию. На вопрос, а что мы будем читать, лежа под яблоней, подруга ничтоже сумняшеся ответила, мол, все схвачено! Неподъемная сумка производила должное впечатление, и я сунула ее в багажник, не став проверять содержимое. Зря, потому что это «все» оказалось именно набором книг о несчастных (или счастливых?) современниках, которых судьба (машина времени, магический кристалл, призрак давно почившей прабабушки, крутая попойка... или еще что-то) отправляла в далекое прошлое. В округе не нашлось ни библиотеки, ни нужного магазина, и выбирать пришлось между Молитвословом, стоящим на полочке кособокой этажерки, и Веркиным чтивом.

Зато теперь я считала себя подкованной в вопросах поведения «попаданцев». Перво-наперво следовало пообщаться с местным колдуном или колдуньей, чтобы выяснить, с какого перепуга или ради какого хитрого замысла Высшие Силы совершили эту рокировку Господи, а если барышня в это же время чудит в Москве на Ленинском?! Такую мысль пришлось срочно отгонять, потому что ни к чему хорошему перемещение привести не могло. Девушка в условиях мегаполиса XXI века сдуру натворит такого, что, вернувшись в реальность, можно обнаружить себя в Кащенко! Думать на эту тему было одновременно смешно и страшно.

Несомненно, пора навещать здешнюю оппозицию христианству.

Но никуда идти не пришлось, потому что эта оппозиция пожаловала уже через четверть часа в лице той самой Воинтихи, что уговаривала дать мне выспаться.

– Я ничего не помню...

Это была ложь, я помнила все, но только не то, что нужно для мира, в котором оказалась. Помнила адрес своей электронной почты, какие совещания и переговоры назначены на ближайшую неделю, расписание тренировок, коды трех банковских карточек, стоимость бензина на заправках... Но чем это могло помочь сейчас?

Если эта Воинтиха настоящая колдунья, она обязательно поймет, что я нездешняя. А если нет?

Воинтиха оказалась ненастоящей, так себе, знахарка, не больше. Она ласково похлопала меня по руке:

– Вспомнишь, все вспомнишь... Я тебе тут питье принесла для памяти, оно поможет. Ага, непременно поможет.

И все, что ли? А как же всякое там колдовство, дохлые мыши, паучьи лапки, лягушачьи брюшки, где, наконец, ворон или черная кошка?! И зубы у бабки присутствовали, пусть далеко не все, но имеющиеся не торчали за пределы рта, и волосы забраны под платок, а не висели серыми космами... Вполне аккуратная старушка, на ведьму не похожа. Нет, это не то, что мне нужно. Придется искать настоящую и как можно скорее, торчать невесть сколько и невесть где я не могу, некогда. А вдруг я вообще в сказке? Смешно...

Но, может, все-таки поинтересоваться сроками моей невольной командировочки? Я попыталась. Эффект получился не слишком обнадеживающий.

Старуха рассмеялась неожиданно приятным, каким-то дробным смехом, от уголков глаз побежали смешинки-лучики:

– И-и... милая... недолго уж осталось. Женишок-то ждет не дождется, небось. После осени и за свадьбу...

Оп-паньки! Еще и жених нарисовался! Мало мне дома проблем со Стариковым, так тут вообще замуж выдать норовят.

– Ка... какой жених?!

– Не помнишь? Боярин Андрей Сивый Старой давно тебя сватал, еще по их с отцом прежнему согласию. Ничего, увидишь его, вспомнишь.

Я с трудом сделала глотательное движение... Сивый да еще и Старой... пожалуй, с возвратом следует поторопиться. Становиться Сивой и Старой боярыней это уж слишком. В Веркиных книгах человеколюбивые сочинители хоть оставляли своих героев холостыми, чтобы не обременять семейными заботами их пребывание по ту сторону разумного. А тут могли заставить рожать боярчиков... Правда, перемещались туда-сюда обычно мужики, если и были женщины, то только в компании...

– За что меня одну-то?

Старуха изумленно уставилась на меня:

– Ты ж была не против?

Как раз я и против, если бы не была, давно бы вышла замуж за Старикова, позабавив тем самым всю свою риелторскую компанию, потому как наставлять рога начальнице с ее мужем даже интересней, чем с любовником.

Итак, времени у меня до осени (интересно, как это скоро?). Может, удастся оттянуть сие радостное событие хоть на пару недель, а там, глядишь, у Высших Сил совесть проснется или они поймут, что зря засунули меня в шкуру барышни... А если нет? Сбегу! Оставалось придумать, как и, главное, куда. Ничего, найдется!

Не сидеть же в этом бреде, пока там Матвеев со своим «Интернешнелом» уводит у меня итальянцев?! Вспомнив про Матвеева, я ужаснулась. Да я так кучу сделок потеряю! Дома и на неделю выехать никуда не могу, ноутбук всюду с собой, а уж мобильник даже в душе на полочке, когда моюсь, дважды топила из-за этого, а тут до каких-то осени торчать?! Так, хватит с меня древнедеревенского уик-

энда, пора домой!

Несмотря на сильную боль в боку и головокружение, я заставила себя подняться.

Воинтиха покачала головой:

– Лежи, лежи, голуба моя, рано тебе еще вставать.

Вот еще, некогда мне, лежать и слушать эту бабку я не собиралась. Я протянула руку, чтобы отодвинуть ее в сторону и тут... Что изменилось во взгляде Воинтихи, не знаю, но он почему-то приковал к себе все мое внимание. «Лежи», – спокойно повторила бабка, и я послушно улеглась обратно. Хотела встать и не могла, пыталась что-то сказать, но язык не слушался.

– Пролежишь еще два дня. Вставать будешь, только если до ветра понадобится, да и то здесь, в доме, Любава, вон, подаст горшок.

Я ужаснулась: ходить в туалет прямо посреди комнаты, в которой есть еще кто-то?! Но мой язык ничего не выдал из моих мыслей, потому как просто не подчинялся. Зато Воинтиха наклонилась ко мне и тихонько объяснила:

– Лежи пока и слушай. Помолчишь, чтоб лишнего не наболтала...

Я только хлопала глазами. Удивительно, но ни страха, ни даже беспокойства не было, просто мое тело мне не подчинялось. Нет, оно не было парализованным или бесчувственным, просто при любой попытке, например, спустить ногу с лавки та упорно возвращалась обратно, словно выполняла программу помимо моего мозга.

Ну, ни фиги себе! Если простая знахарка может такое, то на что же способны настоящие колдуны, те, которые в лесу в избушке?!

Вдруг мне пришло в голову, как быть, если я захочу «до ветру», как выразилась Воинтиха? Та словно поняла мои мысли:

– Коли чего по-настоящему захочешь, спросишь, получится.

По-настоящему я хотела только одного: домой! Но такую странную просьбу выполнять, похоже, никто не собирался.

Оставалось только лежать и хлопать глазами, как приказала милая старушка в аккуратном платке. Вот, блин, влипла! Зато в таком беспомощном состоянии мне удалось хорошенько подумать.

Перед уходом Воинтиха что-то объяснила «моим домашним», те кивали, соглашаясь и осторожно косясь на меня. А вдруг она рассказывает, кто я такая в действительности?! Вот было бы здорово! Ладно, ближайшие часы покажут, чего мне ждать от суровой действительности.

Оказалось, ничего хорошего. Суровая действительность добреть не собиралась. Нет, меня окружили вниманием и заботой, рядом все время вертелась та самая девчонка с толстой косой, ежеминутно заглядывая в глаза и интересуясь, не надо ли чего. Это мне быстро надоело, и я прикинулась спящей. Девчонка со вздохом уселась на соседнюю лавку, а я принялась размышлять. Правда, результат был просто плачевным, ничего, кроме как разыскать местного колдуна и вытрясти из него необходимые мне сведения, все равно в голову не пришло. Но это можно было придумать за четверть часа, зачем же так долго меня мурыжить?!

Наверно, я все же заснула по-настоящему, потому что очнулась от умопомрачительного запаха и сразу поняла, что невыносимо хочу есть! Девчонка на мои открытые глаза отреагировала воплем:

– Проснулась!

У меня просто зазвенело в голове, если она на каждый мой чих будет так орать, то я оглохну куда раньше, чем выздоровею.

– Чего кричишь, Любава? Тихо!

Разумный голос принадлежал еще одной девочке, уже постарше, пожалуй, юной девушке, совсем юной.

– Насть, ты молчи, Воинтиха сказала, что она тебя пока обездвижила и голос отняла, чтобы ты силы не теряла. Ты только кивни мне, ладно? Есть хочешь?

Я кивнула, поражаясь обыденности произошедшего, их не удивляло, что человека можно на время обездвижить и отнять голос. Нормально! А что еще у них тут можно на раз-два-три? Одно хорошо: мне пока ничто не угрожало.

От мыслей об угрозе меня отвлек горшочек с каким-то варевом. Именно от него умопомрачительно пахло! Я села, спустив ноги с лавки, на коленях немедленно появилось полотенце, на нем большой ломоть хлеба, в руках ложка и тот самый горшочек. Слюни заполнили рот так, что если бы я хотела что-то спросить – не смогла бы. Мне пришлось сдерживать себя, работая деревянной ложкой, чтобы скорость поглощения варева не была слишком большой для больной-то. В похлебке не было мяса, только всяческие коренья, зелень и какие-то травы, но вкусно-о... Едва я проглотила варево, как Любава притащила большую миску с рыбой. О том, что это рыба, я догадалась только по видневшимся костям, остальное заставило задуматься, где ж они вылавливают этаких китов, потому как кусочек филе с одним-единственным позвонком тянул на полкило, не меньше. Вилки, конечно, не полагалось.

Я мысленно вздохнула: немудрено, что у моей «вместительницы» такие упитанные бока. Ладно, последний маленький кусочек, а завтра разгрузочный день. В конце концов, неизвестно, сколько времени я (или она) не ела, может, поэтому столь зверский аппетит? В глубине души понимала, что, учуяв вкусный запах, снова не удержусь и наемся, нет, нажрюсь от пуза. Тут же нашлось оправдание в виде подлой мыслишки о необходимости простого восстановления сил. Мой наглый организм воспринял оправдание на ура и стал расправляться с рыбой так, словно этих сил требовалось на целую роту голодных солдат. Ой, сдается, на такой диете никакой фитнес не поможет...

Все время поглощения немислимого количества калорий в виде куска жирнющей рыбы я слушала говор своих родственников и ужасалась, как я их понимать-то буду?! Тут никакой пары дней не хватит. Например, чей-то женский голос в соседней комнате, где за столом, видно, собралась остальная семья, вдруг завопил:

– Не, ты гля, вот пыра-то, вот пыра! Пралик тя возьми!

Что случилось, я так и не узнала, потому что женщина выскочила за дверь, и ее голос доносился уже со двора, распекая за что-то «меренья». Ну и как я должна понять все эти «пыры», «пращики» или «меренья»?

Словесные закидоны продолжались, в комнату вошла Любава и, поглаживая живот, радостно объявила:

– Настябалась я... аж пузо трещит. А ты?

Только слова про пузо помогли мне понять, что она не насмеялась, а наелась. Я кивнула:

– И я.

– Теперя ложись и спи. Воинтиха сказывала: тебе после кормежки вот енто дать, чтоб спала без просыпа до завтрева.

Я послушно выпила «вот ентот» настой Воинтихи, лучше спать, чем ужасаться своему будущему. У меня особенность – я перенимаю акцент или манеру говорить за какие-нибудь пару часов, это значит, что «цекать» и «тяперять» буду уже к вечеру. Оно мне надо? Выкорчевывай потом из себя такие умения.

Полежав немного с закрытыми глазами, я действительно задремала, но ненадолго. Проснувшись, услышала, как та самая женщина, что ругалась на «пыру», наставляет Любаву насчет меня:

– А ты все одно сиди рядом и рассказывай ей.

– Про чево?

– Про все. Про нас всех, кто кому кем доводится, про всю жизнь. Вспоминай обо всем. Воинтиха сказала, что только так ей память и можно вернуть. Пусть она спит, а ты рядышком болтай, только не ори, как нынче.

– Ага.

С этой минуты Любава стала моим раздражителем на два дня. Она действительно уселась рядышком и стала рассказывать... изложение событий и родственных взаимоотношений не отличалось ни последовательностью, ни логичностью, ни литературным языком, напротив, девчонка была весьма косноязычной, но помогла мне немислимо.

Уже к концу дня я знала, что дядька Федор мне лично вовсе не дядька, а отец, причем любящий. Он воевода, а при малолетнем князе так и вовсе хозяин в городе. Матери у меня (то есть у Насти, внутри которой я расположилась) нет, умерла давно. Что строгая женщина Анея – Любавина и Лушкина (это девочка постарше) мать, а Федору сестра. Что они приехали из Рязани в Козельск два года назад...

При слове «Козельск» я вздрогнула. Козельск... собственная память услужливо вытащила главу из диссертации Андрея о защите Козельска от татар и о том, что он был полностью уничтожен Батыем. Батый... Батый... это же 1237/38 год и позже... Если Козельск стоит, значит, татар еще нет.

Любава заметила мои переживания и, напрочь забыв наставления матери, заорала во все горло:

– Настя вспомнила! Она Козельск вспомнила!

Я даже уши руками закрыла, ну и горластая у меня двоюродная сестричка! Дал же бог голосовые связки, такая в одиночку целый хор переорет. Девчонка, заметив мои движения, испуганно закрыла рот обеими руками. В комнату почти вбежала старшая из сестер, Лушка:

– Что случилось?

Любава только кивала на меня, все так же держа руки у рта. Я невольно рассмеялась. Луша облегченно выдохнула.

– Чего она орала-то?

– Мы в Козельске?

– Да. Ты помнишь?

Я уклончиво пожала плечами:

– Чуть-чуть.

– И то слава богу!

Но средства Воинтихи действительно помогали, причем сначала стало «восстанавливаться» как раз таки тело. Это я поняла, когда вдруг принялась ловко переплетать косу. В Москве у меня никогда не хватало терпения отпустить длинные волосы, то есть они были не больше, как до плеч, а коса... Даже не коса – косища! В руку толщиной и ниже пояса, если волосы распустить, то чуть не до колен. И волосы упругие, живые, мечта любой женщины века двадцать первого. Такую даже носить тяжело, голову назад оттягивает. Может, поэтому у них осанка горделивая?

Мои руки легко справились с непривычным занятием. За руками последовало тело, а потом и разум. Неожиданно я обнаружила, что во мне словно живут две особы – взрослая женщина двадцать первого века и юная девушка века... не знаю какого, но не позже Батыева нашествия. Причем удивительно, но они уживались легко, не мешая друг дружке. Или пока не мешая? Да уж, конфликтов внутри собственной особы, то есть откровенного раздвоения личности, мне бы не хотелось. Стало немного страшно оттого, как поведет себя эта двойная Настя. Я уже догадывалась, что моя собственная натура не преминет взбрыкнуть еще не раз. Как бы сие не вызвало нежелательной реакции со стороны окружающих...

Родня откровенно обрадовалась, когда я из состояния овоща перешла в нормальное (или почти нормальное). Особенно была довольна почему-то Лушка. Хотя причину ее радости я поняла быстро, видно, Настя и Лушка очень дружны.

В Лушку я влюбилась с первой минуты. Более беспокойной натуры, жизнелюбки и выдумщицы не встречала. Все время, когда не спала, Лушка фонтанировала самыми разными идеями, далеко не всегда одобрявшимися старшими членами семьи, из нее без остановки сыпались вопросы, часто нелепые, сентенции и замечания. Благодаря этой болтушке я за полчаса узнала куда больше, чем за все время рассказов ее сестры.

Лушке тринадцатый год, Любаве девятый. Анея средняя сестра, в Рязани живет еще младшая – Олена. Олена, по мнению Лушки, дура, потому что, будучи боярышней, вышла замуж за простого кузнеца. Ну и что, что по любви, все равно дура! Не надо влюбляться в кого попало. Козельск с Рязанью не сравнить (кто бы спорил), там посад и то больше. Зато у Козельска детинец поболее рязанского будет! В Козельске прежний князь погиб на охоте («лось копытом по зубам вдарил»), а нынешний мал, поэтому в качестве жениха никому не годится: «Ваське всего четыре года». Ну, мне-то что, у меня жених уже есть, а вот если Лушке придется выходить замуж, так за кого?

Сестрица мечтательно закатила глаза, вспоминая моего жениха:

– Боярин Андрей хорош...

– А ты откуда знаешь?

Сейчас скажет, что и я знаю, просто забыла, получится настоящий позор. Я не слишком жаждала знакомиться со своим нареченным даже заново, но тронутая невеста, не узнающая собственного жениха, наверное, позор для семьи. Лушка замотала головой:

– Я его в Рязани видела. Правда, красивый... И не дурак!

– А это откуда известно?

– Конечно, не дурак, если на тебе женится.

Резонно, мне было даже лестно, но все же хотелось понять критерии своей двоюродной сестрицы.

– А с чего он именно меня выбрал?

Господи, надеюсь, я ему никаких клятв любви и верности не давала?

– А они с дядькой Федором когда-то договорились. Вернее, боярин Юрий Иванович...

– Это еще кто?

– Ну, Сивый же, отец Андрея! Что когда дети подрастут, то поженятся, когда тебе пятнадцать исполнится.

Так, уже легче, мне, кажется, пока пятнадцатый... Как бы узнать, когда у этой Насти день рождения?

– Это скоро?

– Чего, свадьба? – В ответ на мой кивок сестрица пожала плечами. – Как сговорятся окончательно, так и будет. Ну, с Семена до Гурия точно.

Кто бы еще объяснил, что значат эти сроки... Но я решила не задавать сразу много вопросов, пока меня за косу никто под венец не тащил. И вдруг осенило:

– А дядька Федор... ну, отец, он не к этому Сивому поехал?!

– Не-е... он в Чернигов, а Андрей Юрьевич в Коломне... Он у коломенского князя Романа Ингваревича...

Полегчало. По крайней мере, пока отец вернется, пока окончательно договорятся, время, чтобы взять какого-нибудь колдуна за горло, у меня есть.

– А чего отец в Чернигов поехал?

– По делам вместо князя. Васька – князь маленький, сопляк совсем, вместо него дядька Федор всем заправляет, его слушают все...

Не успела я удивиться неуважительному упоминанию юного князя, как пришлось отметить другое: после слова «все» Лушка явно притормозила, видно, был в Козельске кто-то, кто не слишком подчинялся Хозяину. Я уже понадеялась, что это исключение касается меня лично, но сестрица жестоко развенчала мои мечты. Покосившись на двор, где раздавался командный голос тетки Анеи, Лушка со вздохом уточнила:

– ... почти все...

Ясно, сестра брата послушанием не балует.

Помимо просвещения меня в отношении родственников, Лушка активно восстанавливала знания и во всем остальном. Следующие дни я попросту моталась вместе с ней по Козельску и окрестностям, что оказалось крайне полезным занятием, и слушала, слушала, слушала, то и дело задавая дурацкие вопросы. Но сестрицу вопросы не пугали, поговорить она любила.

Но меня больше заботило другое. Воинтиха Воинтихой, а мне нужен кто-то посерьезней, чтобы был колдуном или колдуньей, знающими не только средства обездвиживания и восстановления местной памяти, но умеющими объяснить, что я здесь вообще делаю. Немного поразмыслив, я решила обратиться не к Лушке, а к Любаве. Что и сделала в первый же день относительно нормальной жизни, когда ноги несли меня куда нужно, а не обратно на лавку. Родственники отправились по своим делам кто куда, Анея с Лушкой так вообще уехали в какую-то деревню со смешным названием Дешовки, время у нас было.

На вопрос о колдуне Любава немного испуганно ответила, что есть, конечно.

– А ты че, Ворона не помнишь?

Так, значит, местную оппозицию православию зовут Вороном.

– Неужели спрашивала бы? А где он живет?

Если скажет, что за углом, то пиши пропало, это не колдун. Нет, Любава с ужасом округлила глаза:

– В лесу...

– Ты дорогу знаешь?

– Ой, я к нему не пойду. Страшно...

– Ну хоть показать можешь?

- До поляны доведу, а дальше ты сама.

- А чего боишься? Он страшный?

- Не... просто колдун же...

- Пойдем сейчас, пока дома никого?

Чуть подумав, Любава согласилась.

Лес меня поразил необычайно, я даже не знала, что такое бывает. Он был нетронутым, то есть не загаженным абсолютно. Как заповедник, причем экстра-класса! Ни одного рваного сапога или пакета под кустом, ни тебе следов пикников, костровищ, стекол от битых бутылок... Но довольно быстро я перестала искать взглядом следы человеческих преступлений против природы, потому что заросли вокруг просто-таки кишели самыми разными обитателями. С трудом удержавшись, чтобы не заорать восторженно, когда прямо из-под ног, сердито пофыркивая, прочь отправился ежик, а чуть подальше дятел серьезно принялся за сосну, я оглядывалась теперь уже не в поисках пакетов или оберток от шоколада, а с интересом. Посмотреть было на что.

Грибов... хоть косою коси, в кустах кто-то возился, не обращая на нас внимания, вокруг неумолчная перекличка птичьих голосов, чье-то ворчание, фырчание и возня. Ой, мамочка! Как бы не наступить на кого или самой не стать обедом. Конечно, я преувеличила, никто на меня нападать не собирался, но, ей-богу, странно видеть и слышать столько живности вокруг. Когда это бывало, чтоб совсем рядом, не выдержав напряжения, из-под куста сиганул в сторону, страшно петляя, заяц?

Любава не обращала на такие мелочи внимания, ну заяц и заяц, кто их не видывал? Стороной прошла большая лесная корова - лосиха, вот ей девочка дорогу уступила сознательно, остановилась и переждала, пока грустная морда удалится на приличное расстояние.

Господи, чего же мы лишились, обретя блага цивилизации! Трава по колено даже в лесу, деревья в три обхвата и с вершинами где-то на уровне пятого этажа... от грибов ступить некуда, птицы только что не на голове гнезда вьют...

грустные лоси за каждым кустом, а под кустами зайцы целыми выводками... Теперь я уже не удивлялась размерам рыбы, которой меня кормили, в таких условиях маленьким, кажется, был только человек, остальные – гиганты. И позволила же природа сему паршивцу вырасти больше остальных и этих остальных забить, загнать по дальним углам поредевших, измельчавших лесов, землю закатать в асфальт, а в небо выплюнуть кучу всякой дряни, чтоб самому же дышалось через раз!

От мысленных обличительных тирад по поводу неразумности человечества меня отвлекла необходимость все же смотреть под ноги и за Любавой, которая двигалась легко и уверенно.

Мы долго пробирались какими-то едва приметными тропинками (одна я бы давно заблудилась) и наконец вышли к лесной поляне. Только бы Любава никуда не ушла, а то ведь я обратно сама не выберусь. Тут же стало смешно: а если мне и выбираться не придется, а девчонка будет меня ждать? Ничего, немного погодя драпанет домой и будет рассказывать страшные сказки о том, как колдун украл их Настю. Украл и съел!

Только что-то подсказывало мне, что Ворон обратно меня не отправит. Вот не отправит и все.

Чуть раздвинув кусты, Любава вздрогнула и кивнула в сторону поляны:

– Вон...

По шепоту было понятно, как она боится. Я кивнула:

– Ты меня здесь подожди, я недолго. Только не уходи, ладно?

Хотя, конечно, сколько там пробуду, не представляла.

Посреди небольшой полянки на пеньке сидел дед, судя по всему, тот самый колдун. Я решительно шагнула к нему. То ли в этом мире все не так, как должно быть, то ли наши представления о нем сильно хромают, но никаких признаков сверхъестественного у человека на пеньке не наблюдалось. Ни белых как снег волос до пояса, ни большущего посоха, ни насупленных бровей... Старый,

конечно, но ничего грозного.

– Здравствуйте.

Господи, забыла поинтересоваться у Любавы, как положено приветствовать колдуна, хотя девчонка вряд ли это знает.

– Как любое божье создание, пожелала здоровья и ладно. И ты будь здорова...

Не знаю, от чего я остолбенела больше. От того, что он услышал мои мысли, ведь я вслух сказала лишь одно слово, от того, что его губы остались сомкнутыми, или от того, что колдун ратовал за божьи создания? Ни фиги себе колдуны пошли! Ну, с закрытым ртом, ладно, это просто чревовещание, я слышала про такие фокусы, что про божьих тварей твердит, тоже понятно, вокруг какие-никакие христиане... а вот что мои мысли читать может, это уже хуже. Хотя, какая разница?! Мысль у меня в данный момент одна: как вернуться домой?! Пусть читает!

Глаза старика смотрели насмешливо. Удивительно, что мне не удавалось уловить их цвет, но не черные – точно.

– Зачем тебе домой? Здесь плохо?

Так, разговор пошел сразу о деле, это уже хорошо.

– Нет, конечно, здесь прекрасно, свежий воздух, натуральная пища, но хотелось бы как-то поскорей вернуться обратно. Там дела ждут, работа стоит.

Он просто смотрел на меня, ничего не отвечая, и я, как дура, принялась убеждать этого старика из бог знает какого столетия, что меня надо немедленно вернуть обратно туда, откуда притащили!

– У меня масса дел, если меня долго не будет, сорвется много сделок. Потеряются деньги, и немалые... а я ответственна за большой коллектив... – Ну как же его убедить?! – Я простая бизнес-леди, и мое место в Москве, в моем офисе. В конце концов я совершенно не гожусь для той миссии, которую для меня избрали!

Старик встал, теперь разлепились уже губы, голос оказался на удивление молодым и вовсе не скрипучим, как я ожидала:

- Не я тебя сюда привел, не мне и возвращать...

Я успела только набрать воздуха, чтобы заорать: какого черта тогда выслушивать все это с умным видом?! Но крикнула иное, потому что он насмешливо продолжил:

- Но ты права, ты слишком слабая, чтобы быть на что-то годной...

- Я слабая?! У меня пояс по карате... пусть не черный, но коричневый! Я ходила в горы! Я прыгала с парашютом! - Вдруг я вспомнила то, чем, несомненно, могла сразить деда наповал. - Я занималась спортивным фехтованием на мече!

- Да ну?! - насмешливо округлил глаза дед.

Я понимала, что это подвох, но отступить было поздно.

- Держи!

Только привычка к неожиданностям помогла мне поймать брошенный меч. Меч учебный, деревянный, но откуда он взялся у спокойно сидевшего деда? Ясно, колдовские штучки, однако не показать свое умение я все равно не могла. Правда, занималась фехтованием два года назад, было такое увлечение, даже на семинар «Княжьего стяга» в Коломну ездила... Надеялась, что тело не забыло и я сумею покрутить у деда перед носом восьмерку или еще чего покруче. И вдруг ужаснулась: какое тело, мое или то, в которое я попала?

Но раздумывать некогда, сам колдун поднялся и выставил чуть вперед руку с длинной жердиной. Ха! Перебить такую даже учебным мечом - раз плюнуть. Я усмехнулась...

Плюнуть пришлось действительно только раз, потому что уже через мгновение я обнаружила себя... сидящей на земле. А дед стоял надо мной, протягивая руку, чтобы помочь подняться. Я даже не поняла, как это получилось... Но допустить, чтобы он меня еще и поднимал, не могла, вскочила на ноги, словно

подброшенная пружиной, мысленно с удовольствием отметив, что тело девчонки подчиняется моим командам.

Следующий выпад на задницу меня не посадил, зато чуть не пролетела носом вперед... А дед снова спокойно наблюдал за моими попытками сообразить, что произошло. Я возмутилась:

- Это... колдовство!

- Нет. Просто ты спешишь... Хочешь увидеть ошибки?

Во мне боролись два желания – плюнуть на все и, швырнув меч, броситься прочь, и желание действительно понять, как это я так оплошала. Второе победило. Дед кивнул:

- Нападай, только медленно, я тоже буду делать медленно.

Нет, я все поняла, кроме одного: как он может так быстро реагировать? Движение, которым дед ответил на мое, я бы легко повторила и сама, но только раз в пять медленней.

- Этому можно научиться...

- Научиться можно всему! – почти разозлилась я. – Меня за этим притащили в дальнюю даль? Что, нельзя было научить дома?!

Взгляд деда стал жестким:

- Повторяю, не я тебя притащил, не ко мне вопросы.

- А к кому?

В ответ только пожимание плечами. Врет, знает ведь!

- Ну хорошо, хоть как это надолго?

Снова движение плечами и... спина колдуна. Он не собирался дальше разговаривать со мной. Просто развернулся и направился к какой-то халупени у края поляны. И снова во мне боролись противоположные чувства...

- Что мне делать?

- Живи.

- Я... я еще приду?

Спина замерла лишь на мгновение, но равнодушия в голосе уже не было:

- Приходи. Научу мечами биться... спортивно.

Я в бессилии сжала кулаки, знает ведь, гад, зачем и как надолго меня сюда засунули. Ничего, я заставлю тебя сказать!

Тут я вспомнила, что дед умеет читать мысли. Ну и фиг с ним!

Оставленная за кустами Любава изумленно оглянулась на меня:

- Ты че так быстро? Не стал разговаривать?

Вообще-то не стал. И вообще-то быстро. Но не настолько, чтобы удивляться, все же я продемонстрировала свое умение (или неумение) биться мечом против обыкновенной жердины. Я пригляделась к Любаве, та удивлялась не зря, кажется, девочка не успела даже присесть... Ой-ой... у меня появилось подозрение, что по ту сторону кустов время течет как-то чуть не так...

Разобраться в бушевавших внутри чувствах было нелегко. Смешалось все: от восторга, что столкнулась с настоящим колдовством, до откровенного страха перед ним. Но в конце концов осталась... злость на то, что оказалась в ловушке, никто мне просто так вырваться не даст, но и объяснить, зачем я здесь, тоже не желает. Чувствовать себя игрушкой в чьих-то даже очень сильных руках не слишком приятно, а с моим характером просто невыносимо. Злость от бессилия заставляла сжимать кулаки, впиваясь ногтями (кстати, без всякого маникюра) в

ладони.

Светило солнышко, щебетали птички, вокруг стоял вековой лес, умопомрачительно пахло, нет, благоухало, воздух настолько свежий, что в груди больно, а у меня на душе злость и мрак!

Из мрачных размышлений меня вывела Любава, она вдруг испуганно шарахнулась ко мне.

- Что?!

- Лешак чудит...

- Кто?

- Вон.

Я глянула в сторону кивка Любавы, и, клянусь, моя рука сама потянулась перекреститься. От нас удалялось что-то большое и темно-зеленое. Я попыталась взять себя в руки, бред, какой лешак?!

- Это... это медведь... или лось...

Любава на мою откровенную глупость только покачала головой:

- Не, лешак то был. Насть, я больше к Ворону не пойду, так недолго и пропасть...

- Ладно, - храбро объявила я, - теперь сама дорогу найду.

- И ты не ходи, слышь, не ходи! Лешаки, они зазря перед людьми шастать не будут, ежели показался, значит, недоволен нашим приходом.

Хотелось крикнуть: «А я довольна?!»

Неужели и правда тут лешие по лесам бродят? А русалка на ветвях есть? Или водяной?

На мой вопрос Любава помотала головой:

– Не, русалки на ветвях нет, че ей на дереве делать? Они вон в озере плавают. И водяной тоже там.

– Водяной? Ты его видела?

Девчонка моего сарказма не поняла, согласно кивнула:

– Видела. И ты видела, только забыла.

Так... я определенно хотела домой в Москву, причем как можно скорее, чтобы не свихнуться окончательно. Жить в мире, где по лесу бродит леший, а на озере можно пообщаться с Водяным или поболтать с русалками, это уже слишком... А если еще и цепные коты сказки рассказывать начнут...

Дома нас ждала взбучка от Анеи.

– Ишь чего удумали, к Ворону ходить! На лешего нарваться захотелось?!

– А мы лешака и встретили, – почти беззаботно поведала я, приведя всех в неопиcуемый ужас.

– Где?

– У старого болота, – расстроено вздохнула Любава, и я понимала, почему. Не ляпни я про лешего, может, и обошлось бы, зато теперь точно влетит.

В следующие минуты я поняла, кто в этом доме, а заодно и в Козельске, хозяин. Это не был малолетний князь или мой (вернее, Настин) отец Федор, хозяйкой явно была Анея! Пришлось поклясться, что к Ворону ни ногой, я, правда, умудрилась вставить «без разрешения», предвосхищая случай, если все же отправлюсь туда еще раз. Хотя сомнительно, чтобы мне выдали такое разрешение. Но ведь я не уточнила, у кого его нужно получить, можно же спросить у кого-нибудь старшего, но не столь строгого...

Анея только покосилась на меня, она явно поняла, что я замыслила, но сделала вид, что не заметила. Ох и хитра моя (Настина) тетка... С ней надо держать ухо востро, а то посадит под замок и глазом не моргнет. И она раньше других углядит, что во мне есть червоточина. Взяло зло, почему я должна прятаться? Я что, сюда напрашивалась?!

А еще мне было обещано, что вернувшись (уехал куда-то, что ли?), отец всенепременно устроит мне выволочку покруче:

- Он тебя плеточкой-то отходит!

- Чего?!

Я ничуть не сомневалась, что тетка грозит просто для острастки, не может отец побить меня плетью. Почему? А вот не может и все тут. И к Ворону я пойду, захочу и пойду. Пусть они своей Настей распоряжаются как собственностью, а не мной. О том, что я теперь «их Настя», почему-то не думалось.

Вечером, лежа без сна, я пыталась понять, стоит ли мне действительно идти к Ворону еще раз.

Дед сегодня просто поиздевался над моими умениями. И дело не в том, что он уж очень быстро реагировал на любое мое движение, он прав в корне. По меркам моего века, я весьма продвинутая и много чем увлекающаяся, вернее, увлекавшаяся, ныне недосуг, девушка. Нет, уже леди... бизнес-леди... Тридцать лет, свое вполне успешное агентство недвижимости, два десятка сотрудников, офис... Конечно, особняком на Рублевке похвастать не могу, но, во-первых, там не купить на доходы от среднего бизнеса, а во-вторых, на фиг он мне сдался? А вот квартирка в сто двадцать метров, хотя и без вида на Кремль, имеется. Вполне ничего, если Андрея выгнать, так совсем просторно...

Я действительно имею коричневый пояс по карате, на черный не пошла сознательно, потому что мастером становиться надо всерьез и навсегда, а мне некогда.

Знаю три языка, вполне прилично подкована культурно, Джоконду от «Черного квадрата» Малевича отличить способна, у меня абонементы в несколько европейских музеев и театров, масса знакомых среди столичной богемы...

Я дважды прыгала с парашютом и изображала из себя варяжскую героиню с мечом в руках... люблю лошадей и не болтаюсь кулем в седле... трижды в неделю посещаю спортзал и плаваю...

И как мне все это может помочь здесь? Да никак! Даже умение крутить клинком девятки со сменой плоскостей и в обратном направлении.

Недвижимостью здесь никто не торгует. Разве что стать первой? Вот была бы хохма, представляю шок археологов, откопавших агентство недвижимости тмутараканских времен. А, кстати, какой вообще век? Надо осторожно выяснить, жаль, что у деда не спросила...

Про парашют, подозреваю, местная спортивная общественность несколько не в курсе... Ой, наверное, и культурная про Малевича тоже... Не говоря уже о музее современной скульптуры или инсталляциях... Может, начать просвещать? Решат, что ударились слишком сильно, и напоят чем-нибудь покрепче Воинтихиного.

Даже умение держаться в седле не пригодится. Как, скажите, взгромоздиться в седло в рубахе почти до пят?!

А что вообще может пригодиться из московской жизни? После некоторых размышлений пришлось сделать неутешительный вывод: ни-че-го. Это что же получается, весь мой прежний опыт тридцати лет жизни практически не нужен, чтобы выжить в очень простой среде?! Это потому что я в глухой деревне. Была бы в городе... ну хорошо, пусть не просто в городе, а хотя бы по времени поближе к своему веку... Например, в восемнадцатом веке... Да нет, и там тоже не получилось бы... Ну, в девятнадцатом...

Обидно, но оказывалось, что все мои знания и умения годились только для века двадцатого и не больше. Мало того, я вдруг поняла, что они мало пригодны даже в двадцать первом вне Москвы, где-нибудь в небольшой деревне. Там тоже наплевать на новомодные течения в культуре, а лошади, небось, уже перевелись. Так что же, я лишний человек?!

Ни хрена! Я продукт своей эпохи и своего общества. И весьма ценный продукт. И не моя вина, что меня переселили куда-то не туда. Верните меня в Москву, и все встанет на свои места. Я из мегаполиса двадцать первого века, там мне и место!

После размышлений о своей полной непригодности в Древнем мире такой вывод несколько успокоил и придал уверенности. Правда, вокруг ничего не изменилось. Одно ясно: дед не собирался помогать мне переселяться обратно. Но злости на него я почему-то не испытывала, словно понимая, что он делает это по служебной необходимости. Может, он меня действительно должен чему-то научить? Чему? А вот это мы у него и выясним, никуда не денется, объяснит, а заодно и то, когда я вернусь.

Придя к такому решению, я успокоилась и даже повеселела. Ладно, надо расслабиться и получать удовольствие, все равно сделать пока ничего нельзя.

Постепенно жизнь вошла в нормальное (по их меркам) русло.

Я просто перестала замечать все словесные выверты, вернее, во мне заработал внутренний переводчик, тормозила на мгновение и тут же соображала, что анамнясь значит несколько дней назад, гребовать – брезговать, а казюлька (причем именно через «а») это не то, к чему мы привыкли в Москве, а змея. А вот если с «о», то уже содержимое носа. Лупастый оказывался глазастым, а коником была не лошадь, а лавка у самого входа, вернее, не лавка, а ящик с сиденьем. Поразивший меня анамнясь пыра – просто ротозей, а пралик, который должен его разбить, – паралич.

Эти открытия давались легко и постепенно перестали вообще требовать каких-то мозговых усилий. В общем, я вписывалась в жизнь, в которую попала, быстро и без проблем. Но как же мне хотелось «выписаться» из нее к себе обратно! Кроме того, душа чуяла, что проблемы как раз впереди...

Иногда, правда, сознание чуть задерживалось, если бывало отвлечено чем-то другим. В лесу Лушка ткнула куда-то пальцем и обрадованно воскликнула:

– Гля, кака бздюкля!

- Кто?! - опешила я.

- Ну, бздюкля же. Вон, гляди.

Там, куда показывал ее палец, стоял здоровенный гриб-дождевик, старый, трухлявый, тронь, и разлетится по всему лесу. Это же подтвердила и Лушка:

- Не тронь, а то пылить начнет, не прочихаешься.

Так я узнала, что бздюкля - это просто дождевик. Вообще, язык был изумительно точным и выразительным. И нюансов оказались тысячи. Вот чапать - это просто идти, даже понуро, улепетывать - куда быстрее, а шалаться - гулять без дела. Я поневоле начала заниматься лингвистическими исследованиями.

Историческими пришлось тоже. Надо же было выяснить, в какой век я попала. Осторожный вопрос, какой год на дворе, заставил Лушку секунд десять сосредоточенно морщить лоб, но когда в конце концов сестрица нашлась, мне это помогло мало:

- Дык... мне тринадцатый, а тебе пятнадцатый...

Вот пуп Земли!

- Я тебя спрашиваю, от Рождества Христова какой.

- А... это ты у попа нашего Иллариона спроси. Я откель знаю?

Мозг мгновенно превратил «откель» в «откуда», уже не заморачиваясь подобными мелочами. Главное - я понимала произносимое. Идти к священнику почему-то было стыдно. Попробовала зайти с другой стороны:

- А от Сотворения мира?

Лушка снова наморщилась, но все же выдала:

- Шесть тысяч семьсот сорок пятый, кажись...

Я попыталась сообразить. Отнимать, кажется, нужно пять тысяч пятьсот восемь лет... Это получается...

От результата своих арифметических вычислений я чуть не рухнула наземь – 1237 год! Ей-богу, будь я просто московской барышней без вынужденных занятий историей Батыева нашествия из-за Андрюхиной диссертации, я бы лишь приняла к сведению. Да нет, даже высчитать не смогла бы. Но именно благодаря научным изысканиям своего неверного бойфренда отлично помнила, что декабрь 1237 года – это взятие Батыем Рязани, самое начало нашествия. Мать моя, куда меня занесло!

Лушка засуетилась вокруг:

– Ты че, ты че?

– Так, чего-то голова закружилась, сейчас пройдет...

– Ты сядь, сядь.

Сесть мне не мешало, чем больше я пыталась что-то сообразить, тем хуже это получалось. На дворе первое сентября 1237 года, я в Козельске, том самом, который в марте Батый разрушит до основания и, уничтожив жителей, запретит даже упоминать название города, прозвав его «Злым городом». А до этого будут сож женные Рязань, Москва, Владимир... ой... Тут не только голова закружится. Что делать?! Мне срочно нужно к Ворону, и плевать на все запреты Анеи!

К Ворону меня отвела Лушка. Сестрица оказалась авантюристкой еще той, она не испугалась возможной выволочки и исхитрилась вместе со мной улизнуть из дома. До самой полянки мы добрались куда быстрее, то ли Лушка знала другую дорогу, то ли я шла уже не первый раз, а когда путь повторяешь, он всегда кажется короче. Но все время рот у нее не закрывался, сестрица так и сыпала вопросами:

– А Ворон, он старый?

– Ты что, его не видела?

- Не, я только издали, он к нам близко не подходит...

Я задумалась: старый или нет. Вроде не слишком.

- А лешак страшный? А вы очень испугались? А он на вас орал или просто попугал?

- Да он вообще нас не пугал, прошел стороной, и все.

- А Ворон разговаривает или каркает?

- Чего?! Конечно, разговаривает. С чего ты взяла, что он каркать должен?

- Ну, Ворон же...

- Если мать тебя вороной зовет, это же не значит, что ты каркаешь.

- А давай я буду каркать.

Следующие минуты три лес оглашало дикое карканье Лушки, на все лады изображающей из себя ворону. Хорошо что в тринадцатом веке еще не было Гринписа, не то защитники природы наверняка подали бы на мою сестрицу в суд за многочисленные инфаркты, полученные местным вороньем. Честное слово, тамошняя пернатая фауна явно притихла, то ли пытаюсь перевести на свой язык Лушкины вопли, то ли просто с перепугу. Скорее второе, во всяком случае вороньих откликов не слышалось, восторженных хлопаний крыльями тоже.

Слава богу, ей быстро надоело, вернее, возник следующий вопрос:

- А на поляне тепло или холодно?

- Луша, мы не заплутаем с твоей болтовней?

- Не, вон почти пришли уже.

Мы действительно пришли, заросли орешника я узнала. Но перед тем, как отпустить меня туда, Лушка все же зачем-то требовательно переспросила:

– Так тепло или холодно?

Вот какая ей разница? Или боится, что я замерзну? Я пожала плечами:

– Иди и посмотри сама.

– И пойду! – решительно объявила моя сестрица, раздвигая кусты.

Вот ляпнула на свою голову! Кто знает, можно ли приводить с собой кого-то?

Но Ворон ничего против появления Лушки не имел, правда, он сделал в ее сторону движение рукой с раскрытой ладонью, и девушка замерла на полуслове, не закончив движения.

– Здравствуйте.

– И ты будь здорова. Я не знаю, зачем и насколько тебя привели в этот мир, потому ответить не смогу. Сюда не приходи, не стоит пугать весь город, – Ворон кивнул на замершую Лушку.

– Вы обещали меня научить биться мечом.

– Без меня сделают.

– Кто знает, зачем я здесь?

– Придет время, объяснят.

– Когда оно придет?!

– Ты всего седмицу здесь, а уж извелась...

– У меня каждый день на счету.

– У всякой живой твари каждый день на счету, каждому срок отмерян. Вот и научись беречь эти денечки, а не тратить попусту.

Я понимала, что он прав, но от философствований по поводу пустой траты времени легче не становилось. А Ворон снова сделал жест, Лушка обрела способность двигаться и болтать.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, девица-красавица, – в лучших традициях сказочных персонажей протянул Ворон. Чего это он ерничает, ведь только что разговаривал нормально?

– А... а можно я тут у вас посмотрю?

– Ну, смотри.

Лушку хлебом не корми, дай сунуть любопытный нос с какую-нибудь щель. Ворон усмехнулся, глядя, как она принялась только что не обнюхивать поляну.

– Ей ничего за это не будет?

– За что? Пусть посмотрит, там ничего нет.

– Нет или...

– Или. – Глаза Ворона усмехнулись, я все же разглядела их цвет – как у всех голубой. Или это только пока здесь Лушка?

– Что мне-то делать?

– Живи пока, видно, твое время еще не пришло.

– На Русь скоро придут татары...

– Может быть.

– Я из-за этого здесь?

Его глаза сменили цвет, и снова я не могла понять, какие они. Ворон стоял ко мне лицом, и я точно видела, что теперь его губы не шевелятся.

– Тебя прислали Светлые Силы. Ни к кому больше не ходи, жди своего часа.

Я покорно кивнула:

– Хорошо.

Кажется, он заложил в мою многострадальную башку программу покруче Воинтихиной, и в Лушкину тоже, потому что мы топали домой так, словно никогда и не собирались ходить к Ворону. Сестрица рассуждала сама с собой:

– И никакой он не колдун, ничегошеньки у него нет! Чего бояться? Живет себе мужик бобылем и живет...

Да уж, этот мужик показал тебе только то, что хотел показать. Оглянувшись, я увидела, что и без того едва заметная тропинка на глазах зарастает травой и кустарником. Это осенью-то! Теперь ни я, ни Лушка найти дорогу к Ворону не сможем, он закрылся от меня и моей любопытной сестрицы. Ну и ладно, сама разберусь.

Мы ушли не так уж далеко, когда я вдруг бросилась к Лушке, хватая ту за руку:

– Смотри! Чего это?

Сестрице замеченное мной тоже не слишком понравилось – на дереве были прилажены череп и рога.

– Обозначение владений колдуна...

– Ворона?

– Не, кого-то другого. Я здесь этого не видела, может, новый кто появился? Это худо, кто знает, что за человек.

– А колдун человек?

– Настька, ну ты че? Он же колдун. Пойдем отсюда.

Вот интересное ощущение – рядом со своей более юной сестрицей я становилась ведомой и вообще послушной телкой. Даже если сбросить со счетов то, что я в этом мире слепой котенок, все равно, из поведения Лушки ясно, что моя Настя держалась похоже, в их паре Лушка стопроцентная заводила. Как, собственно, и во всем остальном. Да уж, Лушка явно Анеина дочь, с этим не поспоришь.

Но я и не собиралась спорить, мне пока выгодней держаться ведомой. Насколько пока? Пока не освоюсь в этом мире, чтобы понять, как из него слинять обратно в свой привычный. Конечно, я буду с тоской вспоминать чистую, прозрачную как слеза воду в реке и ручье, чистый воздух, чистый лес, дом, в котором потрясающе пахнет деревом, льняную рубашку, в которой не жарко и не холодно, еду с совершенно иным вкусом...

Но жить все равно предпочту в загазованной Москве на двенадцатом этаже с сыплющими искрами от наэлектризованности вещами, зато с кондиционером, массой прибабасов для уюта в доме и примочек для уюта тела. А душа? Но ведь ей уютно при постоянном беспокойстве и необходимости ежеминутно решать сотни вопросов, которые за меня никто не решит. Оказывается, от размеренной, неторопливой жизни тоже можно устать. Удивительно, но мне очень хотелось вернуться туда, где с утра по сигналу мобильного приходится вскакивать, мчаться под душ, наспех пить кофе и потом часа два торчать в пробке, проклиная все на свете, – дорожное движение, московское правительство и тысячи идиотов, которым лень проехаться утром на метро! Мне страшно не хватало телефона, достающего утром, днем, вечером и даже ночью, не знающего ни выходных, ни праздников, не хватало истерик агентов из-за срывающихся сделок, сложных переговоров, банковских счетов, автомобильных пробок, супермаркетов, суеты и даже выхлопных газов! Среди всего этого лесного великолепия мне катастрофически не хватало душной Москвы. Я до слез, до истерики хотела домой. Или хотя бы надежды поскорее туда вернуться. Но надежда таяла с каждым днем, даже надежда просто вернуться, без поскорее...

Век тринадцатый

Жизнь в городе текла своим чередом, козляне пару дней поболтали о странностях воеводиной дочки и забыли, своих забот невпроворот. Не один летний день год кормит, в первые дни осени тоже. Бабы добирали в лесу последние летние ягоды, уже пошла брусника, а там и до кисленькой клюквы недалеко... Носили огромными корзинами грибы... Весь Козельск и округа уставлены козлами с надетыми на них снопами хлеба. Может, потому и прозвали Козельском, а вовсе не из-за козлов?

Хотя таковых тоже хватало, причем в людском обличье. И не всегда козельских, пришлые частенько забредали. Два таких появились непонятно откуда, замученная лошаденка едва тянула здоровенный воз, груженный до самого верха. Сказались купцами, причем византийскими, мол, от самого моря этот воз везут, а потому приморились сильно. Но охранники у ворот оказались бдительными, стали интересоваться, куда везут, потребовали, чтоб показали, что под рогожами... Пришлось подчиниться: с вооруженными людьми спорить опасно.

Лушка предложила сходить за поздней малиной, мол, знает, куда никто не ходит, а потому там малина чуть не до первых морозов есть. Стоял не просто теплый, а по-настоящему жаркий денек, и забраться в лесную тень вообще-то хотелось, к тому же я просто не знала, чем себя занять, а потому сразу согласилась. На нитье Любавы, чтобы взяли с собой, Лушка строго ответила:

- Мала еще!

Это звучало смешно, между сестрами разница в возрасте года в четыре. Хотя в такие годы это не всего четыре, а целых четыре. Ушли мы одни. Выходить пришлось через те ворота, в которых остановили воз двух пришлых, и как раз в то время, когда дружинники разбирались с содержимым. Меня насмешила разница в облике двух купцов один был невысокий и кряжистый, словно дуб, а второй длинный и тощий. Именно длинный, а не рослый, потому что вся его фигура производила впечатление несуразности: длинные руки, длинные ноги и сплошные углы на месте суставов... Сначала я подумала о Дон Кихоте и Санчо Пансо, но тут же мысленно обругала сама себя, Дон Кихот никак не мог быть вот

таким дурным, он хоть и внешне нескладный, но толковый. А этот бестолково суетился, пытаюсь развязать рогожу, чтобы показать содержимое воза.

Сам воз стоял чуть наискось, так что протиснуться между ним и воротами оказалось довольно трудно, мало того, крепыш еще и не упустил возможности прижать идущую впереди Лушку. Но девчонка не растерялась, завизжав так, словно мужик уже залез ей под подол. Дружинники отреагировали быстро, и оба мужичка едва не лишились жизни. Я проскользнула мимо уже свободно. Отскочив чуть в сторону, Лушка внезапно остановилась:

- Давай посмотрим, чего с ними сделают?

- Пойдем, зачем тебе?

- Интересно же, а вдруг тати?

Мужики оказались не татями, но и явно не купцами, они не смогли объяснить, что же на возу. Под рогожами ровными рядами стояли прочно перевязанные и переложенные горшки.

- Чего внутри-то?

Оба лжекупца забормотали что-то невнятное... В это время их лошаденка пыталась дотянуться до упавшего с чьего-то воза клочка сена, видно, изголодала бедная. Охрана забеспокоилась. Старший кивнул более молодому:

- А ну позови Ветеря...

Тот бросился выполнять приказ. В это время первый охранник принялся развязывать один из горшков. Видно, поняв, что попались, купцы вдруг дали стрекача! Первой среагировала Лушка, она ловко подставила подножку крепышу, и тот растянулся в пыли. Его товарищ, уже сделавший два шага дальше, вернулся, шустро помог подняться Лушкиному обидчику, и оба припустили с такой скоростью, что не на всякой лошади догонишь. Вид улепетывавшего мужика, который только что пытался лапать Лушку, показался таким уморительным, что мы покатались со смеху, хотя надо было догонять.

Охранник поднял голову от горшков на возу и с изумлением уставился на облачко пыли, укрывавшее двух приятелей.

- Чего это они?

Лушка развела руками:

- Знать, воз-то чужой...

- Да уж, - почесал затылок дружинник.

В это время подошел старший, выслушал всю историю, вздохнул, ему явно не хотелось самому разбираться со всякими бесхозными возами и лошадьми. Но делать нечего, пришлось. Было решено лошадь накормить, а воз до возвращения воеводы поставить в дальнем сарае, потому что дружинник заявил, что из горшка пахнет какой-то гадостью.

- Кто его знает, что за дрянь они везли?

Убедившись, что под горшками ничего, кроме сена, нет, охранники помогли лошади втащить воз в ворота. Остальное мы не видели, потому что потеряли интерес к происходившему и отправились по своим делам.

Малинник действительно был дальний, там никто не собирал ягоды, они висели на каждой веточке, были бордовыми, налитыми соком и спелостью... А запах... ну разве так пахнет садовая малина? Я осознала, что малинового запаха, вернее, аромата никогда и не вдыхала. Отправив первую ягоду в рот, поняла, что и самой малины не пробовала. Даже то, что продают старушки на рынках, выдавая за лесную малину, рядом не лежало с этой настоящей, древней. Ответственно заявляю: у экологически чистых продуктов совершенно иной, прямо обалденный вкус!

Лушка принялась есть ягоды, выбирая самые крупные и вкусные.

- Э, а ты собирать-то будешь?

– А... я... потом, когда наемся. Надо съесть сразу много, чтоб на них глядеть противно стало, тогда и в кузовок можно. Не то будешь отвлекаться... то... и дело.

В рассуждениях сестрицы был свой резон, немислимый аромат и вкус манили, и я последовала Лушкиному примеру. Ягод было много, наелись быстро, а потом также быстро набрали полные корзины. Еще чуть, и можно домой.

Тут я обратила внимание на то, что Лушка снова притихла. Молчать моя сестрица могла только в трех случаях, все три я уже прекрасно знала – еда, сон и занятие чем-то недозволенным. Лушка уже наелась, поэтому первое отпадало. Не спит, это точно. Но чем недозволенным можно заниматься в малиннике?

– Эй, ты чего притихла?

Лушка стрельнула на меня каким-то озорным взглядом, продолжая свое занятие.

Какие у них у всех глазищи – обалдеть! Сплошная синь или голубизна... Таких никакими цветными линзами не сотворишь. Интересно, а какие у меня?

На явно дурацкий для окружающих вопрос Лушка спокойно пожала плечами, она первой привыкла к моим закидонам с памятью и соображалкой:

– Когда какие...

– Это как?

– Когда довольная – голубые, а как злишься – синие.

Если честно, то мне больше по душе синие, что ж теперь, постоянно злиться? У самой Лушки глаза тоже, когда чем-то недовольна, отливают фиалковым цветом.

Я все же разглядела, чем занималась моя сестрица, Лушка старательно (даже язык высунула!) мазюкала малиной свои ногти. Стало смешно: маникюр по-древнерусски. Конечно, вместе с ногтями сок окрасил и кончики пальцев.

Но оказалось, что Лушка старалась вовсе не для красоты, это она решила меня напугать. Закончив работу, дуреха выставила вперед растопыренные пальцы и бросилась ко мне с воплем:

– А-а... Ага! Я тебя сейчас!..

Лушке тринадцатый, но она деваха крупная (по местным и средневековым меркам), а потому на следующий год ее точно отдадут замуж, пора. Но иногда эта без пяти минут невеста ведет себя как детсадовское дитя.

Вот и сейчас она принялась выть и тарашить глаза, изображая из себя какую-то только ей понятную нечисть. Самое удивительное, что я... поддержала сестрицу.

– Ой, боюсь, боюсь...

Мы оралы так, что нас, наверное, было слышно и в Козельске, хотя до него далековато, все же малинник дальний. С визгом и хохотом две упитанные кобылы скакали минут пять. В результате одна из корзин оказалась перевернутой, а Лушка... когда она поднялась, раздавленная малина была у бедолаги повсюду. Несколько секунд мы молча смотрели друг на дружку, потом я, не выдержав уморительного вида сестрицы, прыснула, в ответ прыснула и сама пострадавшая, и обе расхохотались.

– Всю малину испортила... – вздохнула я и мысленно усмехнулась, мне частенько пригодились «домашние» фразы, только не всегда их смысл оказывался привычным. – Что теперь говорить будем?

Лушка махнула рукой:

– Скажем, мол, до нас обобрали.

– Логично.

– Чего?

– Правильно.

– Чудная ты все же, Настька, стала, после того как с кобылы навернулась и башкой долбанулась.

Вот она, прелесть средневековой прямоты. Никаких тебе интеллигентских вывертов вроде «мне кажется, у вас... м-м-м... как бы сказать... появились некоторые проблемы со здоровьем...». Все в лоб: «навернулась» и «долбанулась». И попробуй возразить.

Но Лушке надо отмыться.

– Река вон там.

Было невыносимо жарко, плескаться, будучи одетыми и зайдя в изумительную воду только по щиколотку, просто обидно.

– Давай искупаемся?

Лушка широко раскрыла глаза:

– Ты что?! Уже нельзя!

Я помнила, что прошел какой-то там день, после которого купание запрещено, но вода так манила... К тому же лучший способ похудеть – это ежедневно плавать. Конечно, про ежедневно не могло быть и речи, но хоть один раз, единственный разочек...

– У тебя в волосах малина, придется купаться...

Я прекрасно видела, что Лушка сама готова забраться в воду и только морально-этические соображения, вернее, простые запреты, останавливали девушку от опрометчивого поступка. А тут я со своими стремлениями что-то нарушить...

Через минуту мы уже плескались, обдавая друг дружку веселыми брызгами.

– Только недолго, потому как высохнуть еще нужно. Твоя коса сколько сохнуть будет...

Да, мне пора выбираться, моя роскошная коса выдаст противоправные действия лучше любого соглядата. Пришлось вылезать. Лушке тоже.

Я распустила волосы, которые укрыли всю спину, и со вздохом сняла с куста рубаху, но надеть не успела.

- Настя... - растерянно прошептала Луша, почему-то с ужасом косясь за мое плечо.

Резкий поворот, и перед моими глазами крайне неприятная картина: из кустов, довольно усмехаясь, выползал тот самый крепыш! О намерениях мужика недвусмысленно говорил его масляный взгляд и идиотское хихиканье:

- Гы-гы-гы...

Словно утку подманивал. А из-за его плеча выглядывала физиономия тощего приятеля, правда, несколько смущенного увиденным. Искупались, называется. Не хватает только изнасилования в этом тринадцатом веке!

Луша немедленно присела в воду, а я невольно осталась на берегу мне деваться некуда. Спешно обернутая вокруг тела рубаха плохая защита от двух облизывающихся мужиков...

Голова работала со скоростью компьютера. Если противника нельзя победить физически, его побеждают морально! С насильниками также, вряд ли эту рожу можно усювестить или просто испугать визгом. Он прекрасно знает, что рядом никого, и раньше, чем на поднятый шум прибежит помощь, мы будем распяты на земле, изнасилованы и попросту придушены!

И куда только смотрит милиция?

Неожиданно даже для себя я вдруг спокойно шагнула к мужику:

- Ну чего, голых баб не видел?

Тот снова хохотнул:

- Гы-гы...

Так... интеллектом здесь не пахнет, придется грубить. Я постаралась, чтобы в голосе не прозвучало ни тени страха или сомнения, напротив, он стал почти задушевым:

- Я тебе, дебил, сейчас как врежу промеж ног – то, чем детей делают, отвалится!

- Чего?! – опешил насильник.

- Вали отсюда, пока рога не поотшибала!

- Тю, сдурела, бешеная! – сделал шаг назад мужик. А я наступала на него, выставив вперед руку и шевеля вытянутыми пальцами:

- Попадешься мне еще раз, я тебе, киллеру недоделанному, пасть порву, моргалы выколю и превращу... – я на мгновение запнулась, пытаюсь сообразить, во что можно превратить этого насильника, – превращу в колоду дубовую!

Почему возможность стать дубовой колодой так испугала мужиков, непонятно, но удирали они классно! Ломились через кусты, как два медведя! И наверняка унося полные штаны впечатлений.

И только когда треск ломаемых кустов стал слышен далеко, я вдруг осознала, насколько испугана сама, села на траву и, закрыв лицо руками, попросту разревелась. Давненько со мной такого не бывало... Предыдущий раз я плакала в двадцатом веке во втором классе, когда мальчишки ушли без меня прыгать в сугроб с крыши гаража. Я тогда отправилась делать это сама и сломала ногу. Ревела не столько от боли, сколько с досады, что у всех получилось, а у меня нет. Правда, потом гордо демонстрировала свои костыли, в которых, если честно, не было никакой необходимости.

Луша метнулась на берег, наспех натягивая рубаху, присела рядом:

- А что ты им сказала, Насть? Чего они испугались?

Мне вдруг стало смешно, действительно, чего испугались эти придурки, угрозы полуголой девчонки?

- Что отобью то, чем детей делают...

- Чего?!

Мы сидели и смеялись, глядя друг на дружку, смеялись до слез, до икоты, истерически...

- А еще... еще... я обещала... что превращу его... в дубовую колоду...

- А ты можешь?! - испуганно ахнула Луша.

Так... забываться нельзя. Не хватает, чтобы решила, что я умею такое.

- Не больше, чем ты.

- А чего же грозилась?

- А что делать, ждать, пока изнасилуют?

- Ой, - прижала руки к груди Лушка, видно, до конца осознав, какой угрозы нам только что удалось избежать.

- Не рассказывай никому, не то позора не оберешься.

- Конечно, что ты, стыдно же...

Да, и в тринадцатом веке приходилось рассчитывать только на собственную находчивость.

Когда возвращались обратно, я размышляла, не надо ли было применить пару приемчиков, чтобы несостоявшийся насильник оставил на берегу несколько зубов. Но вспомнила Лушкин испуг от угрозы превратить мужиков в дубовые

колоды и решила, что вид голой девицы, демонстрирующей приемы карате, – это слишком. Слава богу, что не применила.

Да, мать, тебе следить за собой и следить... Это не двадцать первый век и даже не двадцатый... Как бы не вытворить чего. Пожалуй, неизвестно еще кому сложнее – дурехе из тринадцатого века в двадцать первом или мне.

Нам оставалось выйти на дорогу и там уже на солнышке досушить и переплести косы, как вдруг Лушка шарахнулась ко мне. Опять леший чудит? Нет, сестра кивком указала на куст, вернее под него. Оттуда торчала чья-то нога.

– Эй...

Я уже сообразила, что Лушка зовет зря, мужик не спал, здесь явно криминал, потому что ступня неестественно выгнута. Так и оказалось, мало того, там нашелся и еще один. У обоих головы проломлены чем-то тяжелым, в темных глазах застыл ужас и непонимание. Оба убитых почти голые. И тут до меня дошло: у длинного лжекупца рукава богатой рубахи куда короче рук. Конечно, просто одежда была не его!

– Лушка, это те двое их убили...

– Кто?

– Ну, те из ворот... которые нас...

– Ой, че делать?

– Их надо как-то догнать, они еще кого-нибудь убьют.

– Как догнать, они вон как удирали?

Понимать, что мы сами едва не стали жертвами этих татей, было не слишком приятно. Но сообщить в городе об убитых надо, и мы поторопились домой, забыв о мокрых волосах.

Конечно, Анея по мокрым волосам догадалась, чем мы занимались. Объяснение Лушки: «В воду свалились» ее не убедило.

– Обе разом, что ли?

Нас спасло только то, что остальным было не до наших проказ, народ ринулся проверять сообщенные нами сведения. Убитых доставили в Козельск. Несомненно, эти двое и были настоящими владельцами воза с горшками. Ловить их убийц бессмысленно, мы с Лушкой не рассказали, что встречались с ними, хотя Анея уж очень настороженно вглядывалась нам в лица, но если бы и сказали, толку чуть. Эти два козла так перепугались моего наскока с обещанием отбить все, что в штанах, что искать их поблизости от Козельска бесполезно.

По общему решению и с согласия князя (Ваське действительно оказалось года четыре, на князя он никак не тянул) убитых похоронили по православному обряду. Объяснение попа Иллариона, мол, Господь сам разберется, всех устроило. И правда, чего заморачиваться, римского толка или греческого, Бог один, ему все равно.

Конечно, шли разговоры, что будь в Козельске воевода Федор, быстро разыскал бы татей и повесил на суку. Раздавались даже смешки, мол, отрезал бы то, чем детей делают, чтоб больше таких уродов не рожали. Услышав о таком варианте расправы, я даже хмыкнула, уж очень он совпадал с обещанным мной. Одно слово – отцова дочь! Настя начинала мне нравиться. Беспокоило только то, что под явным влиянием Лушки пятнадцатилетняя девчонка все чаще забивала во мне тридцатилетнюю разумную женщину...

А еще пора было браться за свою талию, вернее, бороться с ее отсутствием. Конечно, меня горячо (сама не зная, зачем) поддержала Лушка. Началось все с позы лотоса.

Мы с сестрицей жили наверху в маленькой горенке, на лавке Анеи я только отлеживалась после падения, обычно туда не допускался никто. В нашу горенку набивалась Любава, но допускать девчонку в свои владения не желали мы обе, Лушка из ревности, а я из опасения совсем впасть в детство.

Мой отец если и был боярином, то явно не самым богатым, пусть и очень влиятельным в местных масштабах. Наш терем (или как там называется) хотя

стоял на подклети, имел не слишком просторные апартаменты внутри. Правда, тетка Анея не забыла, что она боярыня, держала двух сенных девок и достаточно холопов. Однако, видимо отцовскими стараниями, большинство холопов жили на положении младших родственников, то есть за стол садились вместе с хозяином и ели на равных. Правда, спали холопы в менее комфортных условиях, чем мы.

Здесь не было стекол в окнах, их закрывали бычьи пузыри. Старательно выделанные, они все равно пропускали очень мало света, полумрак разгоняли свечи (хорошо хоть не лучина) и свет печей и лампадок. Все равно мало, потому при любой возможности мы старались быть на дворе, где светлее. Но это не всегда удавалось и днем, все же осень вступала в свои права, становилось все холоднее и зачастили дожди. А уж вечером вообще приходилось сидеть в полумраке. Видно, полумраком это было для меня, привыкшей совсем к другому освещению, остальным не казалось темно. Постепенно привыкала и я сама, наверное, глаза привыкли давно, а вот мозг еще бунтовал, требуя включить свет. Лушка слова «включить» не понимала.

Вечером, сидя на своей лавке перед сном, я вдруг сложила ноги по-турецки и устроила руки с пальцами колечком на коленях. Лушка, любопытно покосившись на меня, тут же повторила. Она, пыхтя, старательно подтолкнула под себя негнущиеся ноги и замерла, сильно наклонившись вперед.

– Выпрямись. Спина должна быть прямая.

Позиция далась моей сестрице нелегко, но она постаралась, конечно, полюбопытствовав:

– А это зачем?

– Для медитации, – не открывая глаз, сообщила я.

– Для чего?

– Вот если правильно сесть и от всего отвлечься, уйти в себя, то наступает умиротворение.

Две секунды Лушка пыталась «уйти в себя», но, видно, вход был закрыт, на третьей раздался вопрос:

- А как это – уйти в себя?

- Забудь о том, что существует вокруг, успокойся...

Это категорически не подходило моей сестрице, она тут же распахнула глазищи, выпрямила ноги и заявила:

- Не, не получается! И ноге больно.

Я поняла, что медитация не состоится, и неожиданно даже для себя предложила:

- Луш, давай делать зарядку по утрам хотя бы?

Как и следовало ожидать, потребовалось разъяснение.

- Чего делать?

Я встала.

- Вот смотри, ты наклониться до пола, не согнув ноги, можешь?

Лушка тоже вскочила.

- Так? Могу.

Она действительно легко достала до пола ладонями. К моему удивлению, я тоже. Но я тут же попыталась сделать классическую березку. Вот это было уже тяжело, слишком пышные формы пониже копчика тянули вниз.

- Ух ты!

Лушка сделала березку с пятой попытки, тут же рухнула из нее, но не расстроилась, объявив:

- Научусь! А еще чего можешь?

Мы пытались делать ласточку, полушпагат и еще кое-какие выверты, которые вспомнились мне сгоряча. Потом я засунула ноги под лавку и принялась качать пресс. Дальше пяти раз не получилось, причем я хорошо понимала, что завтра буду чувствовать себя просто развалиной, но остановиться уже не могла. Моя сестрица тоже.

Сестрице понравилось крутить воображаемый обруч, делать наклоны вбок, ножницы и все остальное.

- Луша, хватит, завтра все будет болеть.

- Чтоб не болело, завтра надо повторить.

Разумно, вполне разумно. Мы повторили, потом еще и еще...

С того дня занятия гимнастикой стали для нас с Лушкой постоянными. Пока о них никто не знал.

У меня было странное состояние. С одной стороны, крепкое молодое тело, чистая кожа, ни одного пятнышка или родинки, на лице не видно ни морщинки, роскошные волосы, отменные зубы, вода в кадучке отражала большие глазищи и первоклассный румянец на щеках с ровным овалом, жить бы и радоваться. С другой – это тело меня совершенно не устраивало своими пропорциями. Никаких 90-60-90, все куда более пухло, размер навскидку этак пятидесятый по всем параметрам. Для боярышни тринадцатого века может и нормально, но я все же была продвинутой женщиной века двадцать первого, а потому сознание бунтовало против «наличия отсутствия» талии и «наличия присутствия» пухлых бедер.

И это при том, что у моей Насти вкусовые пристрастия далеко не во всем совпадали с моими собственными. Обнаружилось такое безобразие довольно быстро. В ответ на предложение орехов в меду мой язык успел заявить: «Нет, я

же не люблю сладкое» раньше, чем я сообразила его придержать. Это я-то не люблю?! Да мне мороженое с пирожным вместе давать можно, и обязательно щедро посыпав шоколадом. У меня из-за этого две проблемы – как сохранить талию и зубы. Но слово не воробей... Я проводила орехи в меду тоскливым взглядом и принялась грызть репку.

Внутри спорили две Насти. Нет, вы на нее посмотрите! Я, значит, должна соблюдать все, чего она захочет, а как побаловать лично меня, так воздерживайтесь?! Вот фиг тебе, завтра же нажрись этих орехов до зубной боли. И не смей возражать! У меня тоже могут быть маленькие слабости.

Орехов я не наелась просто потому, что это сделала Лушка и в результате всю ночь маялась из-за зуба. Пришлось показать ей точку на пальце, чтоб зажала. Убедившись, что срабатывает, моя сестрица решила, что падение с лошади весьма полезная вещь, только нужно знать, как падать, чтобы не свернуть шею, но обрести массу неведомых до тех пор знаний и умений.

С первых дней моего пребывания в новом качестве на нашем дворе с раннего утра до позднего вечера стучали топоры да молотки – к дому что-то пристраивалось, эта новая часть соединялась с нынешней переходом. На вопрос, что это, Лушка доходчиво объяснила:

– Женская половина. Мать и так вся извелась, что второй год с отцом на одной живет.

Логично, Анея не забыла, что она боярыня и ей положена своя половина терема. Но у нее две дочери, выйдут замуж и что, останется в такой махине одна? Подозреваю, что именно эти соображения и останавливали Анею раньше, но Лушка повзрослела, а замуж выйдет не завтра, сенных девок развелось много, да и вообще, не дело боярыне так-то вот скромно жить, как жил до нее брат-воевода.

Только теперь уже не стучали, там старательно конопатили щели, ладили лавки и столы, натягивали на окна бычьи пузыри. Один такой Лушка порвала, пытаюсь растянуть как можно сильнее. Убедившись, что никто не видит, она ловко сунула испорченный пузырь в общую стопку и отвернулась. Я с трудом сдержала улыбку.

Мы без конца совали любопытные носы на стройку, страшно мешая, но холопы не рисковали нас ругать, только заботливо убеждали, чтобы были осторожней. Женскую половину уже заканчивали, и нам даже показали горницу побольше, которая предполагалась для нас с Лушкой. Снова одна на двоих, при том, что для Любавы пусть маленькая, но своя. Ясно, рассчитано на то, что я отчий дом скоро покину. Ну, это мы еще посмотрим. Я поймала себя на мысли, что если уж не получится скоро обратно в Москву, то лучше останусь здесь, чем выйду замуж... Кажется, к местным условиям начала привыкать основательно.

Золотая осень вступила в свои права, по ветру летали тоненькие паутинки, было тепло, как-то особенно ярко и красиво. Тепло, светло, хотя и немного ветрено.

Женская половина уже была готова, но переезжать в нее Анея почему-то не торопилась. Скоро я поняла почему – тетка воспользовалась последними теплыми сухими деньками, чтобы просушить содержимое перетаскиваемых ларей и сундуков. С самого утра сенные девки засуетились, вытаскивая на двор их содержимое. На больших козлах развешивались одежды, шубы, отдельно раскладывались подушки и одеяла...

Лушка, конечно, потащила меня смотреть на это богатство. Она, озорно кося глазом, гладила переливающийся бархат и еще какую-то ткань. Меня заинтересовал жилет, кажется, его называли душегреей, когда вешали. Вообще-то это был соболь, причем черный соболек, каких еще поискать надо, а верх густо расшит жемчугом и... самоцветами. А еще золоченой нитью. На солнце блестело и переливалось то, что в нашем веке могло превратиться в несколько десятков роскошных перстней. Одна такая душегрея в Москве потянула бы на приличную машину... Интересно, а как здесь? И вдруг...

– А ну пошла! Пошла прочь!

Я шарахнулась от голоса сенной девки, неужели даже подходить к этой роскоши нельзя? Жаль, я бы только посмотрела осторожно...

– Чего вы, барыня, испугались? Это я козе вон, ох и любопытная, шалава, так и лезет всюду.

Я натянуто рассмеялась, что могло заинтересовать козу, блеск камней или золота? Но Лушка подтвердила:

– Ага, она у нас в запрошлом годе кусок шубы фландрского бархата сжевала! За ней глаз да глаз нужен.

– А привязать нельзя, что ли?

– Ага, она такая тварюга, что собственную веревку пережевать может!

– Так в хлеву заприте, пока сушится.

Девки тут же потащили козу к хлеву. Бедолага упиралась всеми четырьмя ногами, отчаянно блеяла, словно ее лишали любимейшего развлечения!

На блеянье своей любимицы прибежала Любава, заголосила:

– Ой, мамоньки, ой, зачем же вы ее?!

– Чего орешь, Любка? Ее запрут, чтобы опять чего не натворила.

– Не надо ее обижать, я лучше посторожу.

Девки замерли, было видно, что им тоже не хочется так круто обходиться с настырной любительницей красивого. Любава забрала у них веревку для привязи козы и потащила подальше от разложенного богатства. Коза подчинилась, словно почувствовав в девочке защитницу, но я заметила, как она продолжала косить на блестящие на солнце камни и ткани.

Не успели разобраться с козой, как одна из девок бросилась отгонять от разложенного теперь уже... сороку. Сороку спугнули, но птица далеко не улетела, села на ближайший куст, сердито стрекоча.

– Я тебе! – девка погрозила несостоявшейся воровке прутиком. Та отозвалась новой порцией сердитого стрекотания. – Поругайся, поругайся.

Следующие несколько минут мы от души хохотали, наблюдая, как переругиваются между собой сенная девка и птица. Одна помахивала прутиком: «Я тебе!» – на что вторая отвечала сердитым стрекотанием. Забавлялись до

сердитого окрика Анеи:

– Куда?!

Так и есть, убедившись, что все отвлеклись на сороку, коза принялась за старое, еще чуть – и в ее зубах оказался бы край мехового одеяла.

– Пять дур хохочут, пока коза одеяло жует!

Анею можно было понять, мы смущенно опустили головы, а Любава потащила-таки свою любимицу подальше от запретного места и, главное, от матери. К моему изумлению, коза подчинилась, она не упиралась, не бляяла, взывая к людской жалости. Да, Анею даже козы боятся...

Но этот день добром все равно не кончился, бестолковые девки получили свое. Правда, за дело, они так отчаянно строили глазки холопу Тришке, что тот, заглядевшись, налетел на козлы, и полное ведро помоев, тащившееся им из кухни для поросенка, опрокинулось на развешанные наряды. Больше всего пострадала та самая восхитившая меня роскошная душегрея.

На поднятый крик во двор сбежались, кажется, все. Пришла и сама Анея. Такой злой я тетку еще не видела! Лушка зашептала на ухо:

– Ой, что сейчас будет...

Тетка не сказала ничего, она развернулась и лишь махнула рукой Трофиму, чтобы шел следом. Вот это и было самым страшным, если бы она кричала, часть злости вышла бы криком, а вот так молча...

– Пойдем, Ваську проведем, пока девок пороть будут!

Предложение Лушки мне понравилось, лучше возиться с маленьким князем, чем слушать вопли сенных девок, которым предстояла знатная порка.

В Козельске действительно большой для такого городишки детинец. Я мысленно попыталась сравнить его с рязанским, но тут же осадила сама себя: Рязань-то сейчас не та, так называли Переславль Рязанский в память о погибшем городе.

Интересно было бы посмотреть, какая она сейчас... Господи, я совсем запуталась про сейчас и тогда, что для меня сейчас – двадцать первый век или все же тринадцатый? Чтобы не поехала крыша, требовалось разложить все по полочкам.

Итак, в самом начале Батыева нашествия Рязань не просто сожгли, а уничтожили... Рязанью называли город Переславль Рязанский, стоящий выше по течению. Значит, в тринадцатом веке, пока Батя еще нет, она, голубушка, стоит на правом берегу напротив современного города Спасска. Ну вот опять: современного! Спасска двадцать первого века. А в тринадцатом он был? Нет, на такие глубины мои познания не распространялись, хватит и того, что про Батю все точно помню.

От любования своими историческими познаниями меня отвлек приход к княжескому терему. Я привыкла, что во всех древнерусских городах есть крепости – детинцы, где население может укрыться в случае опасности. Здесь было что-то непонятное, детинцем, то есть крепостью, оказывался весь город. У Козельска не было маленькой укрепленной части, он весь был за большой стеной. И княжий терем стоял на открытом месте, конечно, огорожен, но без дополнительной стены. Правда, меня это волновало мало.

У княгини Ирины грустные глаза, и от этого она казалась старше своих двадцати двух лет. Грустить есть отчего, вдовье княгини редко снова выходят замуж, вырастит Ваську до относительной взрослости – и в монастырь. А княгиня – красавица... И вдруг меня обожгло: но ведь Козельск должен пасть и все жители погибнуть! И вот эта княгиня, и ее маленький Васька. Стало не по себе, очень трудно смотреть на будущих покойников. А я? Если выйду замуж, то уеду в Коломну, но ведь и ее возьмут Батыевы войска. А Лушка? Анея? Отец, которого я хотя еще и не видела, но уже люблю?

Впервые мелькнула мысль рассказать им хоть что-то, может, спасутся? Кому рассказать, как? Во-первых, под каким соусом я смогу это подать? Мол, мне после падения с Зорьки не только память отшибло, но и видения являться стали про ваше страшное будущее. Бред. Конечно, не поверят.

Я поймала себя на том, что в голове засела еще одна подленькая мыслишка: если я хоть что-то изменю в прошлом, в которое попала, то моего собственного будущего не будет, значит, и возвращаться будет некуда. А какое будет? Не знаю, лучше или хуже, но в нем может не оказаться Насти Федоровой. И как

тогда, навсегда оставаться здесь? Вот это вопрос!

Я даже с маленьким князем играла рассеянно, даже едва не влипла, попытавшись рассказать ему стишок про Таню, которая громко плакала, уронив в речку мячик. Хорошо, что вовремя опомнилась и переключилась на сороку-ворону, которая кашку варила и деток кормила... Сказка про колобок князю очень понравилась, про варешку, ставшую домиком для зверей, тоже... На большее меня не хватило, вопрос о том, говорить или нет, не давал покоя.

Лушка подозрительно поинтересовалась, откуда я знаю эти сказки. Хотелось сказать, что я вообще много что знаю, чего не знают они, но решила не выдавать все сразу, осторожно попыталась дать понять, что мне приходят знания независимо от меня.

- Это я заметила. Тебе точно кто-то подсказывает. Ты не такая раньше была.

Я старательно вздохнула:

- Иногда такое подсказывают, что лучше бы и не знать.

- Чего? - оживилась сестрица. Тут бы вот и сказать самое главное или хотя бы дать понять, что знаю, но... меня словно что-то остановило. Через секунду я разозлилась сама на себя, это не что-то, а все тот же проклятый вопрос о возможности или невозможности вернуться обратно в свою жизнь, если скажу. Теперь я понимала, что этот вопрос не даст мне покоя до конца. Только какого конца?

Стало тоскливо, я снова почувствовала себя в большой мышеловке с прижатым пружиной хвостом и полной невозможностью избежать кары. Высшие Силы, миленькие, ну не гожусь я в героини, ей-богу! Господи, избавь меня от героизма, очень Тебя прошу. Я простая, расчетливая, деньги люблю (кто ж их не любит?), я вредная, даже глупая... Ну за что мне все это?!

Лушка так и не дождалась от меня толковых объяснений, что же это за сведения, о которых я предпочла бы не знать. На мое счастье, долго думать о чем-то или интересоваться чем-то одним сестрица просто не могла, а потому отстала.

Мы вернулись домой к вечеру, со двора уже все было занесено в дом и уложено в сундуки. Девочек не видно, незадачливого Тришки тоже. На крыльце сиротливо висела лишь одна испорченная душегрея...

Анея мрачно поинтересовалась:

– Где были?

– У княгини Евдокии, – быстро отрапортовала Лушка.

Мы видели княгиню минут пять, остальное время действительно развлекали маленького князя, но при необходимости княгиня могла подтвердить, что мы были там. Больше вопросов не последовало, у тетки не было настроения что-либо выяснять.

Почувствовав, что гроза нас не коснулась, мы быстро похлебали остывшее варево и улизнули в свою светелку. Правда, Лушка все же успела расспросить Любаву:

– Здорово лупцевали?

Та прижала ладони к щекам:

– Ой как! Фанька только стонала, а Савка все в голос, кажись, до Чернигова слышно было. Трофим молчал. Ноне лежат все трое. Мать сказала, не отойдет душегрея-то, еще всыплет, чтобы дело знали, а не дурацкие хаханьки.

Я не выдержала:

– Лушка, душегрея же меховая, ее сушить в тряпках надо, не то покоробится.

– Думаешь? Как быть?

– Пошли, поглядим.

Мы подхватили по старому плату и побежали на крыльцо. Уже стемнело, но даже в сумерках было видно, что мех испорчен безнадежно, видно, содержимое ведра у Тришки оказалось горячим. Но мы все равно принялись старательно промокать душегрею платами, чтобы побольше влаги впиталось.

- А потом надо куда-то утащить и положить до утра на ровное, может, чуть расправится.

- Не расправится.

От этого голоса мы буквально подпрыгнули! Увлечшись своим делом, все трое даже не заметили, как на крыльцо, кутаясь в свой плат, вышла Анея.

- Девочек пожалели?

- И душегрею тоже, - зачем-то заявила я.

Тетка посмотрела внимательно, вздохнула:

- Ее уже не спасешь. Надо только камни снять и жемчуга. Девочек завтра в деревню отправлю, оттуда новых привезут. Вам поручу следить первое время, чтобы меха помоями не обливали. Сможете?

Мы только дружно кивнули в ответ.

Так у нас с Лушкой появились свои девочки, у каждой по одной. Их на следующий день привезли из деревни. Теперь я собственница, и эта собственность стояла передо мной, теребя в руках кончик косы. Ростом и фигурой с меня, значит, тоже лет пятнадцать, замуж не отдали, и попала в холопки, видно, из-за родительских долгов. В предыдущий вечер я спросила Лушку как становятся холопами. Та пожала плечами:

- Ежели в полон возьмут...

- Какой полон в соседней деревне, Луш?

- Значит, закупы...

Я попыталась сообразить, закуп, видно, не вернувший долг. Ясно, передо мной стояла расплата по кредиту, это вам не двадцать первый век, здесь судебные разбирательства короткие: не вернул вовремя – либо сам, либо кто из родственников в холопы. А с холопом можно делать почти что хочешь, можно выпороть (правда, и нас с Лушкой тоже можно), можно даже убить. А вот это, как выяснилось, только по приговору. Чьему? Князя или вон воеводы.

Но приказать этой девке делать, что я захочу, можно.

– Как тебя зовут?

– Стеша.

Взгляд спокойный и не приниженный, никакой не холопский. Это хорошо или плохо? Видно, не глупа, выдержанна, но в обиду себя не даст. Я почувствовала к Стеше симпатию. Я изучала свою холопку, а Анея в это время изучала меня. Почувствовав на себе ее взгляд, я смутилась, снова обернувшись к девке:

– Что ты умеешь?

– Что нужно.

Лушка в это время допрашивала свою:

– А тебя как зовут?

– Таюшка.

Глазки не хуже Лушкиных стреляли во все стороны, можно поклясться, что она успела изучить все и всех на дворе.

По тому, что девушка изучила прежде всего мужское население двора, даже деда Трофима не пропустила, и по тому, как она всех оглядывала, я подумала, что у нас будет немало проблем с Таюшкой. Как в воду глядела, хотя чего тут глядеть, нимфеток за версту видно.

Анея с Косым с утра отправились в Дешовку на какие-то там переговоры с местным населением. Анее хотелось заполучить роскошный покос, которым дешовчане (как назвать жителей деревни со столь примечательным названием?) все равно не пользовались, поскольку сено было неудобно возить вокруг леса по болотинам, но считали своим. Тетка, видно, решила воспользоваться благостным из-за хорошего урожая и покоса настроением жителей и недорого выкупить этот покос, а их нанять для заработков на время следующего покоса. Это выгодно и им, и ей, а уж убеждать Анею умела. Где не получалось лаской, следовал командный тон, и люди подчинялись. Однажды у меня даже мелькнула мысль, что, пожелай тетка, она могла бы обездвиживать не хуже Воинтихи. Но боярыне, пусть и вдовой, это ни к чему.

Для Лушки отсутствие матери на дворе, а уж тем более в Козельске, – праздник. Чем дальше от Анеи, тем лучше, вернее, легче жить. Строгое око матери – главный ограничитель Лушкиных безобразий, не будь его, представляю, как расходилась бы моя сестрица.

Упустить возможность порезвиться Лушка, конечно, не могла. Убедившись, что Анеи действительно нет на дворе и Косой убыл с ней, Лушка метнулась ко мне с нелепым предложением:

– На сеновале сено страсть как удобно сложено. Пошли, покатаемся?

– Как это?

– Ну, посьезжаем вниз. – Видя мои сомнения, Лушка потащила меня за собой: – Пойдем, пойдем. Здорово же!

Будь хозяйка дома, кто бы разрешил двум почти взрослым дурехам вообще залезать на старательно уложенное сено? Но Анеи не было, и вакханалия началась!

Мы с удовольствием и визгом съезжали вниз, валялись, хохоча, и снова забирались вверх. По-моему, я вообще перестала воспринимать себя тридцатилетней женщиной из далекого будущего, кувыркалась в сене и орала не меньше Лушки.

В очередной раз с визгом скользнув с самого верха, мы обе замерли, подавившись смехом, – в двери стояла Анея! Кажется, единственное, о чем я подумала: откуда она взялась, если должна быть в Дешовке? Лушка все же произнесла растерянно:

– Ма-ма...

Тетка оглядела бедлам, который мы устроили, и пожала плечами:

– Во дурищи-то...

Глядя вслед ее спине, я подумала, что тетка права, сотворить то, что сделали мы, могли только две здоровенные дуры. Следующие полчаса сено быстро и старательно возвращалось на место, сделали даже лучше, чем было, вымели все. Выбрав остатки соломы из волос и старательно отряхнув рубахи, мы обреченно выползли наружу. Все тихо, вернее, каждый занимался своим, и никому до нас дела не было...

– А... где мама?

– Анея-то? – явно удивился распрягавший лошадь Трофим. – Так в Дешовке с утра еще. А тебе зачем?

– Как с утра? Точно с утра?

– Да зачем тебе-то?

Мы с Лушкой переглянулись и быстро затрусили в дом.

– Ты ж ее видела? – осторожно поинтересовалась сестрица, когда мы уже уселись на лавке, тесно прижавшись друг к дружке и стуча зубами.

– Ага, видела...

В эту минуту в дом вошла сама Анея. Мы с Лушкой дружно подвинулись по лавке подальше от вошедшей женщины. Та изумленно уставилась на нас:

- Вы чего?

- А... а ты когда вернулась?

- Недавно.

- А чего же Трофим сказал, что еще нет?

- Он меня не видел. Вы убрали за собой?

- Да! - в два голоса заверили мы, старательно кивая.

Анея рассмеялась и, взяв с печи плат, вышла вон. Лично у меня отлегло от сердца, не потому что удалось избежать наказания, а потому что тетка оказалась нормальной и действительно была на сеновале, а не почудилась нам. Кажется, у Лушки тоже.

Но еще несколько дней мы ходили мимо сеновала почему-то с опаской, словно там было что-то запредельное.

Я уже окончательно чувствовала себя пятнадцатилетней боярышней и мало задумывалась над тем, что будет дальше. Но неожиданно снова появилось предчувствие скорых перемен... Вообще, со мной творилось что-то непонятное, с каждым днем я словно благополучно забывала прежнюю московскую жизнь и все больше вживалась в образ той Насти. Боялась строгой тетки, шломила с Лушкой и ждала приезда отца. Почему-то было ощущение, что именно после его возвращения что-то изменится. Конечно, изменится, ведь меня должны выдать замуж! Может, посоветоваться с Лушкой о том, как отодвинуть сие радостное событие?

Кажется, я поддавалась этим превращениям почти сознательно, стараясь просто избежать ответа на тот самый страшный вопрос: говорить или не говорить? Просто заняла страусиную позицию, спрятав голову в песок, чтобы не видеть надвигающейся беды. Внутри шевелилась подленькая надежда, что, увидев такое мое совсем не героическое поведение, те, кто пересадил меня, плюнут и вернут обратно. Однажды, правда, пришло в голову, что в моем внезапном перемещении могло и не быть никакого особого умысла, просто там тело

переехал грузовик, а мое, как бы это обозвать... ну, в общем, мое нутро пристроили в то, что попало под руку. И что мне теперь, погибать во второй раз, что ли?!

Лучше всего эти тяжелые мысли забывались рядом с беспокойной Лушкой, рядом с ней размышлять было просто некогда, может поэтому я всецело подчинилась воле сестрицы. Но московское нутро из меня все равно лезло во все щели.

На весь Козельск раздавался деревянный стук, но теперь уже не от нашего терема. Сотник Вятич снова гонял молодых дружинников до двадцать седьмого пота...

– Настя, слышь, Вятич опять воинов гоняет, на мечях бьются. Пойдем глянем?

Конечно, пойдем. Мне было очень интересно, как бились на мечях в тринадцатом веке, совпадают ли наши представления об этом с действительностью. И все же я усомнилась:

– А нас пустят туда?

Верно, мужики очень не любят присутствия женщин не только на кораблях, но на любых других своих тренировках. Даже на единоборствах терпят только у новичков, профессионалы откровенно дистанцируются. Но Лушка мотнула головой:

– Пустят. Кабы дядька Федор в Козельске был, так не пустили бы, а Вятич, он добрый, пустит.

Мы отправились на площадку, выделенную для тренировок дружинников. Туда явно не допускалась женская половина Козельска, но Лушка сделала вид, что просто не подозревает о таком запрете, и нагло расположилась в сторонке, стараясь не привлекать к себе внимания. Я последовала примеру своей беспокойной сестрицы.

Лушка разглядывала изготовившихся к тренировке парней оценивающим взглядом. Ах ты ж, боже мой, средневековая нимфетка! Но на парней ее внимание действовало весьма положительно (или наоборот, я еще не поняла), они подтянулись, принялись даже красоваться... Распускание хвостов продлилось ровно до команды Вятича, о нас с Лушкой тут же забыли, видно, дружинники прекрасно знали, чем грозит излишнее внимание к постороннему. В данном случае мы были посторонними.

Вот теперь я уже на сестрицу не смотрела, все мое внимание сосредоточилось на ударах учебных мечей и отражении их. Вот одна ошибка... вторая... дурень, влево нужно было уйти, а не тупо отступать назад! Немудрено, что шлепнулся на спину. Что ж ты тормозишь, поддевай!

Я едва не заорала, словно болельщик на футбольном матче во время срыва атаки. Рука сжималась, словно чувствуя в ладони рукоять меча, а тело невольно отклонилось по диагонали направо назад, словно принимая удар. Эх, тренера нашего Сереги на тебя нет, он бы тебя в диагональных позициях-то помучил... Вот урод, ума не хватает центр тяжести перенести на другую ногу?!

Почувствовав на себе пристальный взгляд, я оглянулась. Лушка просто пожирала меня глазами.

- Ты... вот так умеешь?

А была не была!

- Я лучше умею, чем эти недоделки!

- Врешь! - впилась в меня сестрица.

Отступать было поздно, я замотала головой, надеясь, что тело и руки не забыли занятий и мучений на «Спортивном мече», а еще, что длинная рубаха не помешает. На всякий случай я просто кивнула, может, пронесет, ведь нам же никто не позволит биться прямо здесь... Но оказалось, что наблюдала за мной не одна Лушка, Вятич тоже не спускал глаз.

Похоже, не только мои (вернее, Настины) домашние, но и весь Козельск перестал удивляться способностям и умениям, которые появлялись после кувырка с лошади. Вятч протягивал мне деревянный учебный меч, знаком предлагая выйти в центр. Я судорожно глотнула и... приняла вызов. Против меня также по команде Вятча встал невысокий парнишка, примерно моей весовой категории.

Конечно, и в «Русском мече» против меня амбалы не выступали, но тренировали-то не подростки... В общем, я восприняла такое противостояние как открытое сомнение в моих способностях и даже обиделась. Ну, я вам покажу! Я противник очень неудобный, потому как от природы левша. Но чтобы не портить остальным малину, то есть тренировки, билась как все – правой, с легкостью переходя в случае необходимости на левую. Именно потому у меня двумя мечами получалось лучше всех.

Тренировочный меч, конечно, тяжеловат, побольше наших «женских» двух килограммов, но мне не привыкать, сколько раз попадало именно за «не свои», то есть мужские мечи:

– Настя, руку сорвешь!

Ответ был, по моему мнению, логичным:

– У меня вторая есть.

Из фехтования я ушла, только когда стала бизнес-дамой, во-первых, не слишком солидно топтаться с мечом на поляне этакой леди, одетой в кольчугу и шлем, а во-вторых (и в главных), просто некогда. Заниматься любым делом, тем более требующим постоянных каждодневных тренировок, нужно всерьез либо не заниматься совсем. Именно поэтому я когда-то бросила карате, не стала прыгать с парашютом и фехтовала в последний год только изредка.

Для начала я, не обращая внимания на окружавших меня дружинников, сделала несколько упражнений для разогрева, сказались установки тренера, что если только над твоей головой не занесен уже меч, сначала разогрей руку, чтобы не растянуться. Не мешало бы и ноги, но это выглядело бы уже слишком экстравагантно, да и кто будет ждать? Потом покрутила колечко мечом, к моему полному удовольствию, рука слушалась и к весу меча приспособилась довольно

легко. Все так же, не обращая внимания на противника (никуда не денется, подождет, бой-то учебный), я сделала несколько диагональных шагов назад с активным движением корпусом... Пока получалось все, тело слушалось, рука не забыла. Порядок, можно биться.

Подняв голову на своего противника, я увидела совершенно ошалелые глаза парня, с которым мне предстояло скрестить учебные клинки. Да, кажется, увлеклась, но как же без разминки? Рука должна почувствовать оружие, иначе его выбьют первым же ударом. Вокруг замерли все. Стоял и мой противник, попросту не решаясь сделать хоть шаг. И тут меня «понесло»: я попробовала покрутить маятник, для начала вертикальный. Рукоять меча была неудобной, она не слишком легко скользила в руке, не рассчитана на выкрутасы, но все же меч слушался. Потом последовал маятник в горизонтальной и диагональной плоскостях.

Народ просто онемел! Девятки им покрутить, что ли? Или бросок с захватом из-за спины?

У меня хватило ума не делать этого, все же и руки отвыкли, и меч для таких фокусов не слишком подходил.

Первым пришел в себя Вятч, он все же скомандовал ошалевшему от моей демонстрации виртуозного владения клинком парню начать бой. Все верно, десятник, я могу крутить восьмерки обеими мечами или делать фронтальную девятку в обратном направлении, но при этом потерять меч при первой же атаке. Для боя куда важнее умение дать отпор противнику и не попасть под его клинок самому, чем умение показывать фокусы.

Но то ли парень все же был слишком впечатлителен, то ли не слишком умел, ему не удалось ни выбить у меня меч, ни даже задеть. Уловив его выпад, тело вовремя послушно ушло в сторону, пропуская оружие, а рука в это же время сделала нужное движение для ответа. Стук был серьезным, силушка у парня куда больше моей, даже не ожидая ответного удара, он легко его отбил. Это надо учесть...

Боковым зрением увидела, что мне предлагают щит. Конечно, дома я билась в системе Меч-Щит, но сейчас брать чужой щит почему-то не хотелось, вдруг у них другая система крепления руки и я только потеряю время и силы. Выпрямляясь

после следующего выпада соперника, я поманила свободной рукой:

– Меч!

Мне бросили меч, парню напротив меня тоже. Теперь мы бились двумя мечами. Левая рука не размята, но даже если я сейчас растянула бы все мышцы от ключицы до последней фаланги мизинца, ничто не могло удержать меня от демонстрации владения мечом левой рукой! Кажется, дружинники просто ахнули. Вообще-то было от чего – девушка не просто билась двумя мечами, но и делала это одинаково хорошо каждой рукой! Парень хоть и был много сильнее меня, выбить из его левой руки меч оказалось делом не слишком трудным, заметно, что само понимание, что с ним бьется девушка, лишало дружинника способности нормально обороняться. Он легко перекинул меч из левой руки в правую, но теперь наступала уже я, причем у меня два меча, а у него один!

Поединок прекратил Вятч. По его окрику мой соперник просто опустил свое оружие вниз.

Но я зря думала, что все закончилось, теперь меч оказался в руках парня, пусть и немногим больше размерами, зато, видимо, куда более опытного. Он не пер на меня дуром, отказался от второго меча, мне пришлось сделать то же, потому что его удары явно были куда сильнее и грозили выбить из моих рук оружие просто играючи. Я отбросила второй меч и взяла один двумя руками, кажется, Вятч довольно хмыкнул. И все же мне удалось врезать сопернику по левому предплечью довольно сильно. Я занесла меч на короткий замах, парень мгновенно среагировал, причем именно так, как мне нужно – занес свой меч, чтобы встретить мой наверху, а я просто перевела удар из вертикальной плоскости в горизонтальную. Хорошо, что не попала по шее, могла бы и покалечить. Удар пришелся по левому предплечью, и синяк оставил явно немаленький.

Вятч тут же поднял руку:

– Все!

Меня окружили дружинники, расталкивая которых, тут же пробралась Лушка. Глаза у сестрицы не помещались в орбиты:

- Ну ты... ну ты даешь!

Вятич был менее эмоционален и более деловит:

- Где научилась?

Я только пожала плечами, что ему объяснять, мол, в Москве в клубе? А еще видеокурс помог.

- Еще что умеешь?

- Многое. Только вспомнить надо и потренироваться.

Десятник окинул меня чуть задумчивым взглядом, покусывая ус. Интересно, о чем он размышлял, о том, как отреагирует мой отец, или о том, стоит ли дальше связываться с боярышней, ведь, получив синяк или вообще травму, я могла еще раз надолго выйти из строя. Оказалось, ни то ни другое, Вятич вдруг выдал:

- Биться в рубахе неудобно. Поддень штаны, а рубаху подвяжи выше. Если хочешь, конечно.

Толковое замечание, и я очень хотела, тело просто требовало настоящего движения, одной гимнастики в пределах нашей с Лушкой светелки было маловато. Я кивнула:

- Если можно...

Тут же встряла Лушка:

- А мне можно?

Вот тут Вятич, похоже, осознал, что ему придется иметь дело не только с воеводой, когда тот вернется, но и с Анеей, что наверняка куда труднее. Но если уж заварил кашу, придется расхлебывать. Подозреваю, что у Вятича боролись два чувства – досады из-за своей поспешности и явного желания все же взять меня в обучение хотя бы в назидание остальным. Лушка в нагрузку, конечно, не добавляла привлекательности такому варианту, но куда денешься.

- Можно, - вздохнул десятник.

Сестрица попробовала взвизгнуть, но вовремя сообразила, что таким образом испортит о себе все впечатление, и сдержалась. Это было уже явной победой Лушки над самой собой, я даже поразилась...

Договорились прийти завтра, но Лушка все же умудрилась утащить пару учебных мечей, нахально объяснив десятнику:

- Это чтобы я тоже побыстрее научилась.

- Ты только за ней пригляди, - Вятч кивнул мне на сестрицу, - чтоб не перестаралась.

Я хорошо понимала, о чем он, в запале Лушка может так растянуть себе все мышцы, что точно сляжет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/natalya-pavlischeva/krov-i-pepel>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)